ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ
Владимир Поселягин
ОХОТА НА ОХОТНИКА

Фэнтези-магия

Владимир Поселягин

Охота на охотника

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Охота на охотника / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ», 2023 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-17-155760-7

Один из богов соблазнился имуществом Мансура Алиева и, ограбив, закинул его в знакомый мир, да ещё лишив магических способностей, и более того, наложив блокиратор, чтобы нельзя было вернуть способности. Вот и приходится Мансуру выживать в огне местной войны. И получилось так, что на него начали охоту в том мире, где он оказался. Однако охотиться на охотника — это большая ошибка. Несмотря на утрату магического Дара, тот ещё на многое способен.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-155760-7

© Поселягин В. Г., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Владимир Поселягин
Чародей
Охота на охотника

Серия «Фэнтези-магия»
Выпуск 56

Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону
© Владимир Поселягин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

* * *

Я стоял в светящейся клетке и смотрел на Сергея. Моего земляка. В прошлом. Это он меня вырубил и вернул в свой домен. Причина банальна – забрать мой домен, что тот уже сделал, отвязав от меня. Более того, лишил меня седьмой оболочки души, я перестал быть магом, и на шестой слой, или оболочку ауры, кому как нравится, наложил блокиратор, чтобы я не возродился. Зачем? А чтобы не отомстил, он хорошо мой характер знал. Вот и описывал мне, почему и для чего, уж больно ему мой домен понравился.

Вернее, не так: он нашёл способ объединить свой домен с моим, и нужно провести эксперимент. Если бог решил – это закон, а я ему мешал: точно не дам согласия, владелец чужого домена. Вот и решил избавиться от меня. Я же не без интереса его слушал, осторожно переминаясь с ноги на ногу, два часа уже стою, а касаться прутьев нельзя, это жуть как больно.

– …как ты понимаешь, оставлять тебя в живых я не буду. Уйдёшь на перерождение. Памяти лишишься, стандартная процедура. И мне спокойно: мстить некому будет. Я даже твою душу отправлю на Землю с моим любимым временем.

– Только не в этого шрамоголового неубиваемого мальчишку. Не хочу в Англию с обрезанными способностями в магии. У них не магия, а ритуалистика, да и та в основах. Не маги, а хрень. Если ты меня туда отправишь, я там всё разрушу.

– С чего ты решил, что я тебя в Горшкова отправлю? – удивился тот.

– Да ты этим фэндомом уже лет тридцать болеешь, куда ещё?

– Не-е, другая Земля… Что?

– Время говори, – прямо сказал я повелительным тоном. – Мне что, гадать? Ты фанатеешь по трём десяткам разных книг или событий.

– Плохо, когда бывшие друзья так хорошо тебя знают, – вздохнул Сергей с делано горестным видом. – Да и какая тебе разница, куда попадёшь? Помнить-то всё равно не сможешь. Тем более не тебе меня укорять за мои увлечения. А сам? Отправил душу погибшего парня, как его там, Мартына, диванного вояку, в параллельный мир, на Русско-японскую. Хотя весело было наблюдать, здорово тот веселился. Удачный выбор. Мои в основном на ранних сроках мрут. Видения этому тугодуму отправлял, а тот совсем не искал способности, коими ты его наделил.

– А ты потом перехватил управление, – недовольно проворчал я. – На кой его с остальными телами было разлучать? К счастью, парень смог это пережить – смерть тел и перерождение. А закладки на разуме делать побольше детей? Зачем на великих княжон его настраивал? Хорошо, парень что-то понял и смог их скинуть.

– Ты заблокировал тот мир, – недовольно проворчал бог Сергей. – Теперь парень сам будет жить, у меня доступа к нему нет. Взломаю лет через пятьдесят, но интереса нет даже приступать к взлому. Ладно, пусть сам живет как хочет. Ты, идиот, блокировку не только на тот мир наложил, а случайно на десяток других. Вот в один из них и закину. А говорить куда, не буду, мучайся.

– Погоди… – только хотел я его остановить, как заорал от боли, и моё тело рассыпалось прахом.

Прутья клетки сдвинулись, сжимая меня, и вот результат: я ушёл на перерождение. Чёртов бог Сергей. Обещать не буду, но постараюсь вернуться и отомстить.

* * *

Очнулся я от бормотания, всё тело болело, но главное, мои разум и память на месте. Накось выкуси, Серёженька. Я тоже подстраховался, и на втором слое ауры у меня конструкты спрятаны, а работа этого слоя – сохранить мне память при перерождении. Жаль, из-за блокиратора штука одноразовой стала, замаскировал её под конструкт исцеления. Поэтому погибать до того, как стану магом и верну магические способности, точно не стоит.

А бормотание разобрал, кого-то искали, тут же и крик раздался:

– Товарищ старшина, товарищ лейтенант тут!

Боль была серьёзной, похоже, тело поломанное. И я уже понял, что происходит, когда мне освободили голову и, отряхивая от пыли лицо (слёзы от кирпичной пыли текли), сказали:

– Живой.

Похоже, прошлый носитель этого тела погиб под грудой кирпичей. Несколько было крупных, спаянных раствором. Ещё насторожило то, что грохотание шло, сотрясение стен и пола, и вроде стрельба из огнестрела, но далёкая. А может, я плохо слышу, шум в ушах. Да и вообще на грани сознания плаваю от боли и контузии.

Меня освободили, и когда я проморгался – слёзы помогли, мы были на свету, – понял, как попал. Форма на солдатах, хотя скорее красноармейцах, оказалась знакомой. Вторая Отечественная война. Ну точно, Сергей и на неё залипал. Третье место занимает в его интересах. Или пятое?

А так логично – магия была, космические миры у меня тоже, осталось попадание в мир с этой войной. Классика. Впрочем, я сам иногда отслеживал такие миры, запуская в них попаданцев. Вселял души в недавно погибших бойцов и командиров, с интересом наблюдая, что дальше будет, и помогая по желанию. Ну развлекаемся мы так. А то, что сам попаду на их место… это… это ещё тот долбаный сюрприз.

Главное, я в курсе истории и местных дел, что уже облегчает вживание. Язык знаю, реалии тоже более или менее. Одна проблема: я не знаю, в кого попал, и памяти прошлого хозяина тела у меня нет. Да и не может быть, тот ушёл на перерождение. Поэтому классика: буду имитировать амнезию. Хотя чего тут имитировать? Я и так не знаю, в кого попал.

Трое бойцов, кое-как одетых, один вообще в грязно-белом нательном белье, но в сапогах, вынесли меня. Ещё двое бойцов продолжали отбрасывать кирпичи, и, судя по окровавленной руке, торчащей из завала, там не меня одного засыпало. Был и седьмой боец. Старшина, вижу по «пиле» треугольников в петлицах гимнастёрки, он один по форме одет, даже пилотка на месте, только поверх гимнастёрки жилетка из овечьей шерсти накинута.

А так красные кирпичи, всё в пыли, здание сотрясается от взрывов, измождённый вид бойцов. Брестская крепость? Мне только эта драма в первые дни войны приходит на ум. Да и форма старая, до погон, видимо, ещё далеко. У двоих бойцов винтовки, обычные, Мосина, у моего отца такая была, охотился с ней. Остальные безоружны.

Меня вынесли и уложили. Нормально видел только левый глаз, второй чем-то замусорен, но пятно есть, значит, зрение не потерял. Под мои же стоны меня уложили на более или менее чистое место, и старшина, отослав бойцов дальше завал разбирать и откапывать своих, сам начал осмотр. Стал меня осматривать и ощупывать.

Сдержать новые стоны не удалось. Видно, я серьёзно травмирован. Кстати, я успел рассмотреть, что был в сапогах, и главное – синие галифе. Цвет почти потерялся, грязный, подсыхающее пятно от мочи в паху, рваная дыра у левого колена – оно, кстати, сильно болело, опухло, – но, похоже, я в теле командира. То есть я командир. Скорее всего, в звании лейтенанта, раз поминали его.

Стало ясно, что сильно травмировано левое колено, не гнётся. Поврежден левый локоть, и синяки по всему телу. Рваная рана на голове, на темечке, потом ещё три на теле. Хорошо телу досталось, но ничего, исцелю. Знаю как, хотя и лишён магии. В принципе, жить можно, я даже сам ходить смогу. Медленно, но смогу. Костыль бы.

Старшина принёс чью-то исподнюю рубаху и, порвав её, начал мне накладывать лоскуты вместо бинтов. М-да, даже раны не промыл, воспалится же всё? Так и нечем. Даже мочи нет, чтобы обеззаразить, старшина сам это сказал. Значит, у меня куда меньше времени, чем я думал. О, кажется, обоняние заработало: чувствовался сладковатый запах разложения. Не первый день крепость в бою.

– Старшина… – Голос хриплым был, я закашлялся, пить хотелось, не язык, а пересохший стручок, но издавать вполне членораздельные звуки мог. – Старшина. В голове помутилось. Помню слабо. Какой сейчас день? Год?

– Двадцать третье июня, товарищ лейтенант, тысяча девятьсот сорок первого. Полдень уже.

– Брестская крепость?

– Да, казармы Сорок Четвёртого стрелкового полка, у Волынского укрепления. Вы нами уже второй день командуете, товарищ лейтенант. А тут немцы гаубицами стали бить, и вашу сторону засыпало, с пятью бойцами. Вон ещё троих откопали, один вроде живой.

– Не помню.

– Как же, товарищ лейтенант. Вы вечером в субботу прибыли в полк, двадцать первого. Из пехотного училища, первое назначение. А командиров в штабе нет, мне велели вас устроить в казарме. В общежитии для командиров места не было, командировочные заняли. Я тут в казармах у помдежурного вас и устроил. Не помните?

– Плохо. Как прибыл в крепость, помню, а остальное – как стена.

– Вот беда-то.

– Так, отнесите к стене у окна, вот туда, в угол, я подумаю. Потом, как откопаете остальных, соберёшь людей рядом. Буду ставить задачу. Действуйте, старшина.

– Есть, – козырнул тот.

Старшина уже забинтовал мне голову, другие раны трогать не стал. Одежда хоть как-то сдерживала кровь, а вот на голове текла. Так что меня переложили и дали возможность подумать. То, что из крепости нужно валить, сомнений не вызывало, вот и обдумывал, как это сделать.

У меня один из попаданцев тоже в крепости воевал, правда, успел до того, как её блокировали, свалить. Потом дважды героем стал, но позже, потеряв всё. Для меня же – поздно, сейчас крепость полностью окружена, но вроде одна идея есть.

Пока бойцы работали, я одной рукой, правой, отстегнул нагрудный карман френча, уже нащупал там что-то плотное и достал стопку документов. Ну, новенькое командирское удостоверение – это понятно, выдано в июне этого года, десятого числа. На имя Дмитрия Семёновича Павлова. Двадцать лет, получается, как раз в мае было. Комсомольский билет, проездные, дорожные и направление в Сорок Вторую стрелковую дивизию РККА. Про полк ничего нет. Меня точно в него назначали? Видимо, куда могли, туда и заселили.

Убрав документы на место (нужно будет сохранить), я с трудом загнул локоть за спину, перекатился на бок и, отстегнув клапан кобуры, достал пистолет ТТ. Смог откинуть магазин одной рукой, но было ясно, что он пуст – от пистолета воняло свежесгоревшим порохом. Запасной магазин в кармашке тоже пуст. За эти сутки Дмитрий расстрелял всё, что было. Фигово.

В это время бойцы обработали тех двоих, что вытащили из завалов, один тоже в сознании был, и понесли ко мне, очистив пол от битых кирпичей и мусора.

– Доклад. Кто что имеет. Боеприпасы, оружие, еда и вода. Раны и травмы. Старшина, ты первым, – приказал я.

Слушая бойцов, я поглядывал на раненых. У меня под командованием всего тринадцать бойцов получается. Двое в тяжёлом состоянии. Ранены, лечить нечем, шансы выжить у них минимальные. Патронов практически нет, оружия тоже. На всех восемь винтовок и пистолет у меня. Один из снарядов попал в оружейку и вызвал пожар. Патроны долго в огне рвались. То, что есть, у соседей забрали, в завалах откопали, но патроны подошли к концу ещё сегодня утром. Когда очередную атаку отбивали. У одного бойца два патрона, и всё.

Да, из восьми винтовок семь наши, одна немецкая – карабин «Маузер», трофей. Впрочем, и к нему патронов не было. Ещё одного бойца заставил очистить участок пола, и тот рисовал карту крепости со всеми строениями, каналами и рекой. Он тут больше года служит, уже всё знал. Старшина иногда поправлял, но редко. А вот когда начали отмечать, где немцы, а где наши, уже до споров дошло. Изучив, где мы находимся, общее укрепление, какие вокруг, я сообщил:

– Значит так, я принял решение. Ночью будем прорываться из крепости, тут мы лишь бесславно погибнем.

– А как же держатся до последнего? Помощь ждать? Вы сами говорили, товарищ лейтенант, – спросил один молодой боец.

– Планы изменились, боец: похоже, наших мы не дождёмся, а погибать – глупо. Немцы нас блокировали, ждут, когда ослабнем, чтобы легко взять в плен или уничтожить, или когда сами сдадимся. Пока есть силы, стоит уходить. Поэтому приказываю выставить наблюдателей, чтобы нас врасплох не застали, менять каждые три часа, найти укрытие – и отбой до ночи. Силы терять нельзя. А вот чтобы прорваться, нужны горлохваты. Старшина, знаешь, кто умеет?

– А кто такие горлохваты?

– Специалисты по работе ножом, подбираются к врагу и уничтожают ножом. Главное, чтобы работали тихо и умели это делать ночью.

– Забавно назвали. Понял. Посты хотите вырезать и уйти? Хорошая задумка. Только нет у нас таких умельцев… Хм, рядом конвойный батальон НКВД, там старшина ротный мой знакомец. Хвастался, что есть у них такие умельцы. Они не только охраной и перевозкой задер-

жанных занимаются, но и участвуют в прочёсывании лесов, захвате банд. Те у себя в казарме держат оборону. Рядом тут.

– Понял. Пошли к ним гонца. Пусть командир придёт и умельцев прихватит, я объясню, что нужно делать. Скорее всего, они с нами пойдут, так что будем взаимодействовать. До наступления ночи шесть часов, нужно успеть подготовиться. А я пока посплю, что-то мне плохо.

Обезвоживание, потеря крови, травмы – неудивительно, что меня вырубило. А очнулся я в другом месте. Похоже, подвал. Перенесли. Рядом старшина, около него новое лицо. Судя по кубарям, лейтенант из конвойного батальона. У них, кстати, звания, как у армейцев, поэтому если лейтенант – значит, лейтенант и кубари имеет.

Также чужих бойцов в подвале прибавилось. По петлицам – из конвойного, но были и армейцы. Всего около сорока бойцов в подвале. Кто спал, кто дежурил у проломов. В проломе стоял станковый пулемёт Максим без щитка. Даже отсюда вижу, что полная лента.

– Очнулся, наконец, – проворчал чужой лейтенант.

Тут старшина приподнял мою голову и дал напиться из фляжки. Всего два глотка, но насколько же живительными стали! Аж волна по телу прошла. Воду принесли конвойники, откуда взяли – не говорят, но спасибо им.

– О чём поговорить хотел? – сухо спросил лейтенант. – В общих чертах я знаю, суть сообщи. Только имей в виду, другие прорваться ночью пытались – кровью умылись. Пулемёты работают и ракеты взлетают, освещают всё как днём.

– Потому что действуют шаблонно, прорываются в сторону наших. Есть у тебя умельцы работать ножами и тихо подкрадываться?

– Есть. Трое. С собой привёл, как просили. Было пятеро, но…

– Позови их.

Дальше я лейтенанту Шаблину, старшине Овечкину и трём бойцам объяснил суть дела:

– Уходить нужно не в сторону наших. А через Буг, к немцам. На ту сторону границы. Вот уж где они нас не ждут. Там постов мало, есть наблюдатели и пулемётчики, вот их и нужно умельцам уничтожить. А то толпа пойдёт, шумят, ночь, не видно ничего, привлекут внимание, плеснут в реке. Умельцам нужно сделать косынки, из гимнастёрок платки. Называются армейские боевые банданы, похожи на женские платки. Сверху банданы, низ лица повязками закрыть. Кожа ночью бликует. Можно грязью измазать, но это на крайний случай. В воде её смоет.

– А это умно, – пробормотал Шаблин. – Нас там точно не ждут. Тихо переплываем – и уходим подальше от берега, там, заложив дугу, выходим к берегу подальше от крепости, где немцев нет. Они у переправ. И дальше, перебравшись на нашу сторону, уходим в тыл и соединяемся с нашими. План одобряю.

Дальше мы нарисовали новый план. Лейтенант знал, где у немцев пулемёты, посты, отметил их, а дальше прорабатывали саму операцию с прорывом. Оказалось, у того почти семьдесят активных штыков осталось, около пятнадцати ранены, но он, как и я, забирает всех.

Шаблин со своими ушёл, им ещё простреливаемые участки надо было проскочить. Я отдал несколько приказов старшине. Готовились и формировались группы, носильщики, которые раненых понесут. Бросать своих – это верная смерть, а тут шанс есть. Искали в казармах шинели, одеяла, на них и понесут раненых. Я просил себе гимнастёрку – принесли, старшина сам нарезал, сделал бандану. Мне и фуражку принесли, околышек треснут, мятая, но не страшно. Это моя, фамилия внутри написана.

Я так и не уснул, да и до начала операции несколько часов оставалось. Правда, пару штурмов выдержали, отбились благодаря пулемёту. Наше количество сократилось, зато оружия трофейного добыли. А чуть позже начали прибывать бойцы с разных этажей казармы.

Пошёл слух, что мы готовимся уйти на прорыв. Прибыло три десятка красноармейцев при двух младших командирах – а вот и носильщикам помощь.

Когда стемнело, двинули в сторону Буга, обходя пожарища, чтобы не подсветили. Первый пост, похоже, уже сняли, тут мы влились в колонну бойцов НКВД. Встали у стены какого-то здания. Ждали, когда сработают умельцы, почти три часа, пока сигнальный огонёк на той стороне реки не загорелся. Вошли в воду, поплыли.

Я тут сам плыл. Хоть напился от души. Да и шёл почти сам, боец один помогал, закинув мою руку себе на плечо. Прыгал, но шёл. Скрипел от боли зубами, три перелома, но звука не издал, хотя у некоторых стоны прорывались, только тихие. Бойцы сдерживали себя. Так и плыли. Как уже сказал, сам плыл. Фуражку я крепко насадил на голову, бинты прикрыл. Главное, под фуражкой документы сухие.

Когда забрались на кручу с той стороны, Шаблин командовал. Стали уходить от реки, как вдруг в стороне заработал миномёт, видимо, по заявке тех, кто окружал крепость. Ну или беспокоящий огонь по часам. У меня наручных часов не было, а время примерно часа два ночи. Батальонный работал, мы о нём и не знали. Я же подумал, как бы попросить у Шаблина добыть пленных, не вызывая удивления. Он хотел провести вырвавшихся из крепости бойцов и командиров тихо. А, чёрт, послал связного, и тот привёл лейтенанта, вот прямо и попросил Шаблина:

– Мне нужны пленные. Видишь, там командир расчёта фонариком грузовик подсветил? Мне нужен грузовик и пленные. Нужно взять всех живых, очень прошу. Потом отблагодарю. Немцев повязать – и в грузовик. Последний разгрузить. Немцев связать хорошо, не просто щиколотки и кисти, а и колени, и локти ещё. Используйте их форму на верёвки. Чем больше наберёте, тем лучше. Меня в кабину грузовика. Есть идея, как добыть продовольствия. Я отъеду, а вы к реке. Там вас найду. Не переходите без меня. Если светать начнёт, тогда можно. Значит, у меня ничего не вышло и можно не ждать.

– Дима, ты уверен?

– Да.

Пришлось почти час подождать, но миномётчиков взяли. Просто навалились – и забили, наших больше было. Связали. Грузовик с минами разгрузили. Ровно двенадцать немцев в кузов закинули. Все живые. Оказалось, заминка была из-за того, что ещё трое на мотоцикле приехали. А так восемь в расчёте – водила грузовика и трое с мотоцикла, вот и набралось. Для меня просто отлично. Уже сапоги сняли, всё ценное, оружие. Наши и запасы продовольствия прибрали. Я велел на меня не оставлять.

Пить не хотелось, да тут все напились, пока плыли, у меня у самого живот вздулся. Как бы то ни было, меня усадили в грузовик. Сложно действовать одной рукой и одной ногой, но я смог запустить двигатель стартером, да тут и не сложно, тем более Шаблин подсветил трофейным фонариком. Включил я фары, выехал на тропинку и покатил прочь. Остальные уходили.

А вот зачем мне немцы, вскоре узнаете. Впрочем, скажу. А для призыва ментального демона и оплаты его услуг. А что вы думаете, демонология – это редкое и сложное искусство, изучал я её не так и долго, но вполне потяну основное. Сергей, кстати, о моём интересе к этому направлению не знал. Он далеко не всё о себе сообщал, скотина, и я тоже сильно не откровенничал. Хотя со стороны могло показаться по-другому.

Уехал я недалеко, куда мне в таком состоянии кататься? Выехал на дорогу, километра два проехал и свернул к рощице. Тут обнаружил пустую стоянку. Похоже, войска, что тут стояли, ушли на ту сторону реки.

Самое главное, тут был утрамбованный плац. Я как раз проехал между деревьями посадки, выехал к нему и остановился. Выключил фары, оставив подфарники – глаза к темноте привыкли, вполне видел. Внимание чужих не хотел привлекать светом фар. Взял лежавшую на сиденье рядом пехотную лопатку (бойцы нашли, немецкая) и, осмотрев плац, довольно кивнул.

Дальше похромал, глянул, как там немцы. Порядок – кто-то шевелился, но все тут. После этого вернулся к передку машины и, сгибаясь в поясе со стонами и матом, начал прорезать канавки в плотном грунте утрамбованной земли. Я-то думал, дёрн придётся срезать, трамбовать, резать пентаграмму, а тут вон какая хорошая находка!

Я на грани сознания плавал от болей, но упорно резал канавки – неглубокие, тут всё на скорую руку. Час заняло, пока не закончил. Потом прошел к заднему борту машины, снял ведро, открыл борт и, приметив самого здорового, полного такого немца, подтянул его к себе, скрипя зубами от боли. Дальше без тени сомнений вскрыл ему горло штыком – артерию – и стал сливать кровь в ведро.

С одного тела мало, нужен ещё один бурдюк с кровью, так что, как течь перестало, второго подрезал. Немцы, которые видели это, мычали в ужасе, но я сливал. Полведра набралось с двух тел. Впрочем, второй ещё жив, он мне для призыва нужен. Экономил на телах, а то и так для оплаты мало. Что ж, пойдёт.

Залил канавки кровью, веточкой разогнал, чтобы всё заполнили, без разрывов. Дальше развернул грузовик, подъехав к пентаграмме задом, и скинул тело того, второго, положив так, чтобы он в пентаграмме был, а я нет. А потом перерезал ему горло от уха до уха, на старом языке демонов вызывая нужного. Пришёл. Душа того немца, что участвовал в призыве, как батарейка была мной использована.

– Слушаю тебя, человек, – сказал демон на русском.

Кто демона призывает, на языке того он и общается. Ничего удивительного, это же диалог ментального направления. Я этого демона ранее уже раз пять призывал.

– Полное исцеление.

Это, конечно, не его направление, но он умел подобное делать.

– Три души, – сразу отреагировал демон.

Выглядел демон как скорпион, только вместо тела торс мужчины с головой льва. А вместо рта – жвала, как у жуков. Размером он был с небольшую козу.

– Одна чужая. Я цены знаю.

– Хорошо, одна, – легко согласился тот.

Цену я правильную назвал, но с демонами так и надо, только торговля поможет. А так он и тысячу душ может запросить.

Нужно поторапливаться, заряда пентаграммы хватит на минуту, долго демон тут не пробудет – некомфортно ему в этом мире – и отправится обратно. Батарейка из того немца слаба, но я на долгий диалог и не рассчитывал. Поэтому, направившись к борту грузовика (от него до края пентаграммы метр, хватало), я ухватился за шиворот френча того немца, что свисал наружу. Я у него первого кровь сливал, мёртв. Душа в теле после смерти держится ещё двадцать минут, а прошло минут пятнадцать, так что могу им расплатиться с демоном.

Вот так, издав рык, я швырнул тело в пентаграмму. Аж осел от слабости – и тут же вскочил, проверяя собственное тело. Крутил руками, поднимал ноги. Всё цело – кости, зубы, да всё. Правда, есть просто жуть как хочется, но потерплю.

– Мне нужна иллюзия того, что было ранее, на месяц. Чужую душу даю.

– Хорошо.

Швырнул следующего немца. Этот из живых, отчаянно извивался. Не хотел на корм демону, но и тут: секунда – и от его тела мумия осталась.

– Время не терпит. Хочу видеть иллюзию своей души со всеми слоями. Чужую душу даю.

– Хорошо.

И вот новое тело вражеского солдата улетело в пентаграмму. Передо мной сразу загорелась иллюзия, отображая все слои ауры, в каком состоянии и что имеет. Ну, я тут специалист, изучал. Да, шестой слой – и всё, седьмого нет. Да и на шестом блокиратор. Мне хватило пары секунд, чтобы изучить ауру и принять решение. Всего две способности аура выдержит.

– Сколько будет стоить блокиратор снять?

– Пять тысяч душ.

– Не наглей, тысячу чужих.

– У тебя нет столько.

– Будут – вызову. Ладно, это дело будущего, ещё призову. Сейчас хочу иметь отличное зрение, но главное, чтобы и ночью видел. Ночное зрение. Не изменяя глаз, а улучшая. Чужую душу даю. Умение прикрепить к четвёртому слою души. Там есть свободное место.

– Хорошо.

Швырнув следующего немца из кузова, – в восстановленном теле это делалось вполне легко, – стал ожидать результата. И он был. Теперь вижу всё вокруг как днём.

– Следующий заказ. Хочу купить безразмерное хранилище со стазисом. Отдаю оставшиеся чужие души, семь штук. Есть самоувеличивающиеся?

– Не бывает таких.

Я это знал, Щель, которую я ранее использовал, имела другие принципы. Ну а вдруг у демонов что интересное в загашнике есть? Оказалось, нет.

– Что есть из максимального?

– На эту цену безразмерное хранилище в двести семь тонн. Больше предложить не могу. Аура не выдержит.

– Добро. Беру. Управление выведи на сетчатку левого глаза, мысленное.

Дальше я покидал тела немцев в пентаграмму. Один кляп выдернул и орал матом, но я немецкого не знал, не понимал. Однако я получил хранилище, и демон исчез – время вызова закончилось. Едва-едва успел. Теперь зачистить следы и валить.

Иконка управления хранилищем в углу левого глаза есть, я проверил, приводя в порядок грузовик. Работает. Так что всё, задержался я тут. До рассвета меньше часа. Да уже светало, полоска на горизонте. Нет, не успею к реке, значит, наши уже переправились. Я так думаю. А зрение ночное работает, вполне отлично всё вижу. Даже подфарники чуть слепят, но зрение перестраивается, и уже нормально. Надеюсь, днём проблем не будет.

Кстати, хорошо видел следы от стоявших палаток, всего, что тут было ранее, но немцы аккуратно всё свернули и вывезли. Хм, заметил вдали бегущий силуэт, спина среди веток кустарника мелькала. Мальчишка-подросток, и бежал от меня. Он что, что-то видел? Не знаю, но настораживает.

Я забросил тела (мумии, они лёгкие) в кузов грузовика и лопаткой срезал всю землю, чтобы уничтожить пентаграмму. Потом поджёг грузовик, пробив бак. Это скроет следы, после такого жаркого огня от тел одни кости останутся. А сам помчался прочь. Лопатку уже убрал в хранилище, пригодится, первое добро, туда и спички. Это трофейные, Шаблин дал.

Бежал я рядом с посадкой, причём довольно шустро, но не в сторону Буга (тут до него километра четыре), а прочь. Пока совсем не рассвело, стоит отбежать подальше от места вызова демона. Машина уже ярко полыхала. Как рассветёт, дым издалека будет видно. А сейчас пожар виден всем вокруг. Иногда от крепости доносились рокочущие звуки артиллерии, может, примут за случайно прилетевший снаряд?

Да ладно, главное, я жив. Новое молодое тело, кое-какие бонусы. Этого демона я ещё планирую вызвать. Да и другого, тот может всё достать. Например, можно заказать ему покупку нейросети с опцией мага. Магом стать не получится, это суррогат, но магией с помощью нейросети пользоваться смогу. Да и вообще штука нужная. Ещё стоит прикинуть, как снять блокиратор.

В принципе, это ничего не решает. Я могу стать магом снова, сняв блокиратор, но нужно найти донора, который добровольно расстанется с Даром, передав его мне. Демон помочь не сможет. Они всё же не всемогущи. А вот покинуть планету мне не удастся, она блокирована.

Мной же. Даже если портал сделаю, блокировка через сто лет сама спадёт. Так что нужно просто подождать, для меня это не срок.

Раздающаяся неподалеку стрельба дала понять, что наблюдатели и пулемётчики, убитые на берегу Буга, обнаружены, как и пропажа миномётного расчёта – надо отбежать и отсидеться. Одна проблема: я слабел. От голода сводило живот, и нужно было найти что-то съестное, поэтому я и бежал к строениям вдали. Вроде ферма. Или деревня небольшая.

Когда верхушка солнца показалась над горизонтом, я как раз скатился в овраг, приметив мотоциклистов. Похоже, дороги прочёсывают, поняли по следам, что часть защитников крепости вырвалась. Старался отдышаться, пока мимо на высокой скорости проезжали два аппарата с колясками. Чёрт, где бы еды добыть? Вот так по дну оврага и побежал дальше, пока тот не закончился. А там сюрприз.

Присев, я снял фуражку, положив верхом вниз, внутри документы. Развязал узел повязки, а голова до сих пор забинтована и волосы в засохшей крови. С шипением оторвал материю. Нет, больно, намочить нужно. Снова вернул бинт как было, фуражкой прикрыл и осторожно выглянул. А там два грузовика – французские «Ситроены», что стояли под деревьями. Видно, колонну застала темнота в дороге, и немцы заночевали где придётся, потому что рядом была палатка часового.

Палатка одна, на четверых примерно, но несколько солдат спали прямо на земле. Всего пятеро. Я пока бежал, шарил глазами по земле и нашёл пару камней. Обломки красных кирпичей повезло найти. Ими кто-то кострище выложил, вот парочку и прихватил.

Как это ни забавно, но они единственное дальнобойное оружие, что было у меня в руках, да ещё нож – штык-нож от немецкого карабина. Им я глотки и вскрывал. Сейчас ножны на ремне висели, но это не совсем то оружие, что мне нужно. Конечно, в кобуре оставался пистолет, но без патронов это тоже не то оружие. Можно использовать как пугач или проще – как камень кидать. Ни на что более он не годился.

Медлить я не стал и под сонные зевания часового, что лениво бродил у машин, стал попластунски подбираться ближе. Плохо, что рассвело уже почти час как. Тут зашевелился и сел один из спящих. Позёвывая, что-то тихо сказал часовому, откинул одеяло, встал и, пошатываясь, двинул к кустам. Босой, в трусах и майке. На майке орёл был, с эмблемой Третьего рейха. Ясно, приспичило, вот и проснулся. Причём как раз ко мне подходил. Пришлось действовать.

Обломок кирпича полетел в часового, когда он повернулся спиной ко мне, и кирпич попал в затылок. А брошенный штык-нож попал рукояткой точно в лоб отшатнувшегося немца, который уже успел приспустить трусы, выставляя на показ муди. Вырубил обоих.

Ссыкун заорать не успел, только рот открыл, а вот часовой шумнул снаряжением, но никто, по счастью, не проснулся. Я же сразу метнулся вперёд, к стойке с пятью карабинами, а дальше аккуратными и дозированными ударами приклада отправил немцев в более глубокий сон.

В палатке оказался офицер, если судить по аккуратно сложенной форме рядом с ним. Я рывком выдернул того за ноги, уже просыпающегося, и также приголубил по голове прикладом. На дороге вот-вот начнётся движение, а до неё от посадки метров сто, поэтому стоит поторопиться.

Пусть вдали видны окраины какого-то польского города, ферма сбоку осталась – меня это не смущало. Работал я быстро. Проверил крытые кузова грузовиков, где были завязаны тенты. Толстый слой пыли на верёвках показывал, что в кузовах никто не передвигался. Почему немцев больше, хотя в кабинах только по двое устроятся, стало сразу понятно. За грузовиками стояли два мотоцикла: лёгкий одиночка, кажется, французского производства, и тяжёлый БМВ с коляской, но, к сожалению, без пулемёта. Не повезло.

Отсмотрел оба кузова, была дикая надежда, что тут перевозят припасы. Самих немцев и их вещи я ещё не осматривал. К сожалению, машины перевозили медикаменты, от лекарств

в коробках до перевязочных. Бинты находились в плотных мешках. Я поднялся в кузова обеих машин и убрал содержимое внутрь хранилища. Следом отправил один грузовик и оба мотоцикла. Потом решу, нужны они мне или нет. Пока же, спустив задний борт оставшейся машины, занялся пленными.

Да, они мне нужны для того же, для вызова и оплаты работы ментального демона. Хочу изучить немецкий язык, а то не знаю его. И да, немцы мне противник, враг, и пускать их на это дело я особо не смущался и сомнений не испытывал. Я маг, высший маг, моральные границы давно стёрлись, и такие жертвоприношения для меня в порядке вещей.

Вернее, был магом. Теперь другое дело, и придётся жить по правилам, иначе охоту на ведьм устроят, но пока я справлялся, свидетелей нет. Поставил в мыслях метку, что советские бойцы и командиры теперь свои, так делать с ними нельзя. Чёрт, да я бы даже советских бойцов там, в крепости, пустил в расход. Находился в таком состоянии, что для выживания пришлось бы переступить через себя. К счастью, терпел до последнего, и не пришлось на это идти.

Изучив униформу, определил, которая мне не по размеру, отложил её. Подготовил ту, что подходила, и, скинув свою, с огромным трудом снял сапоги. Оттуда аж смрадом ударило. Да, портянки взопрели, да и ноги опухли. Форму свою снял, убрал и надел форму немецкого рядового, подобрал по размеру. Ах, как приятно сухие портянки и сапоги надевать было!

Так вот, одни штаны, которые мне малы, резал на куски и вязал немцев – кисти, локти, щиколотки и у колен. Ну и кляпы. Дальше закидывал, как заканчивал с очередным, в пустой кузов грузовика. Потом вещи перебирал, и самое ценное – в хранилище. Оружие тоже. Вот его всё прибрал. При себе оставил только карабин Маузера один и сунул в карман галифе Вальтер офицера. Тот, похоже, обер-лейтенант, если я правильно в его офицерской книжице прочитал. Интендант. С ним последним закончил.

Из трофеев вышло шесть карабинов Маузера. Все немцы рядовыми были, нашивок не имели. С офицера снял пистолет, ременную систему с кобурой и автомат, МП-40 он вроде назывался. Только запасных магазинов почему-то три. Также были планшетка с картой, но не имелось бинокля, и офицерская сумка, там я набрал себе мелочовки, от бритвенного набора до свежего исподнего.

У солдат ранцы были кожаные, отобрал себе котелки (они такие плоские, с крышками для второго), кружки и ложки. Причём три ложки гибридные: с одной стороны ложка, с другой вилка. Любопытная модификация.

С офицерским набором утвари получается семь комплектов. Всё взял. Вещи дефицитные в наше время. Ну и всего разного, включая наручные часы. Я себе подобрал получше, они офицерскими оказались, надел, остальные прибрал в запас. Обзавожусь имуществом потихоньку. Долго перечислять всё, что добыл, главное, теперь есть.

Припасы тоже были, аж два ранца набрал. Фляжки. Одну, полную воды, использовал перед тем, как переодеться. Половину вылил на голову, снял повязку, потом остатками воды отмыл волосы от крови. Сам я не задержался, барахло бросил, ценное забрал и, закрыв борт машины, устроился за рулём.

Движок уже работал, поэтому выехал на дорогу и покатил прочь. Прочь от Буга, подальше вглубь Польши. Пока есть время, нужно заполнить хранилище и прокачать себя. Потом, у своих, где я столько душ свободных и бесхозных, да в немецкой форме возьму?

Вот так и катил. На соседнем сиденье платок расстелил, на нём нарезанный хлеб, куски ветчины из консервной банки, полкруга копчёной колбасы, больше не было, ну и там луковица и пару шматов сала. Всё нарезано, вот всем этим я и питался. Вообще, припасов не так и много, думаю, на завтрак немцам хватило бы. Плюс НЗ, что у них всегда при себе должен быть. Мне же тут на двое суток не экономя. Главное, утробу насыщал, и это хорошо.

Причём всё тщательно пережёвывал и запивал водой из второй фляжки. Я помнил, что больше двух суток ничего не ел. Поэтому слегка утолил голод и прибрал припасы. Потом,

часа через два, ещё поем. Желудок с большим объёмом может и не справиться. Понемногу. Котелки есть, припасы, банка с какао. Стоит сварить супчик, горячее обязательно нужно, и какао заварить. Потом, после изучения немецкого языка с письменностью.

Проехал я всего километров десять. Дороги уже не пустые, на меня не обращали внимания, активное движение началось. Почему я на десять километров уехал и встал в тени рощицы у берега речушки? Были причины. Для начала – отличное место для днёвки. Форму свою постираю, ритуал призыва метального демона проведу. Однако самая главная причина не в этом.

Я проехал мимо полевого фронтового аэродрома, там самолёты взлетали, ещё работа шла, хотя, похоже, авиачасть перелетала ближе к фронту, но кое-что ценное прибрать (я о самолете) ещё можно. А через пять километров обширные склады встретил. Машины въезжали на территорию и вставали к складам, на погрузку. Так с ходу не скажешь, что там, но думаю, продовольствие хранят.

Просто во дворике заметил две немецкие армейские полевые кухни, накрытые брезентом. С большими колёсами, деревянными, по ним и опознал – те, что лошадьми буксируются. Кухни тоже пригодятся. Я же пехотинец и, вернувшись, попаду в пехоту, а как без кухни? Запас личный иметь стоит.

И да, я могу просто свалить, но, честно признаюсь, не прощу себе, если пропущу такие приключения. Потом, после войны, или во время, если руки крутить будут, можно покинуть страну. Но сейчас особого желания нет, у меня пока подготовка идет. Так что свернул и стал обустраиваться.

Вытащил пленных из кузова, прибрав грузовик, чтобы внимания не привлекал. Дальше стал аккуратно срезать дёрн (потом на место верну и водой полью) и, утрамбовав, чертить пентаграмму призыва. Около получаса всё заняло, но сделал. После этого нацедил крови у двоих «добровольцев» и, вскрыв одному из двух доноров горло, вызвал того же ментального демона. Позади активно и в ужасе мычали, но это не помешало мне с демоном посотрудничать.

– У меня заказ на обучение языку. Носитель вот, – предъявил я офицера-интенданта.

– Какого языка? – проскрипел демон. – Жертва владеет тремя.

– Что за языки?

– Германский, итальянский и английский.

– Ясно. Значит так. Моё новое тело не совсем хорошо развито. Я о мозгах. Поэтому нужно прокачать разум и запустить вторую половинку мозга. Нечего ей бездельничать.

– Три души.

– Две чужие.

– Три. Сложная работа.

– Ну хорошо, три так три.

Вообще, допускать ментального демона до работы с мозгом крайне опасно, мало ли какие закладки сделает, но я использую именно ту пентаграмму, что не позволит демону своевольничать. Поэтому закинул две тушки мёртвых немцев. Сперва доноров, их ещё души не покинули, потом третьего. Этот обмочиться успел, но тела были приняты, души высосаны.

Я даже пошатнулся, настолько легко было думать и хорошо стало – неплохо демон поработал. А то я в новом теле реально тупил, а сейчас – как было ранее, с хорошо прокачанным разумом великого мага. После этого продолжили, а то времени мало. Минута всего. Сейчас даже меньше.

– Хочу все три знать в совершенстве, со знанием письма. Отдаю оставшиеся четыре чужих души.

– Принимаю.

Дальше, зашвырнув в пентаграмму извивающиеся, обмочившиеся и отчаянно мычащие тела (главное, самому границу пентаграммы не пересечь, а то ужином демона стану), я полу-

чил знания. Аж голова заболела от объёма, и это с прокачанным разумом. Без него голова бы лопнула, микроинсульт бы заработал. Ничего, за сутки знания улягутся, и буду полиглотом местным.

Демон убыл, время закончилось, а я занялся приборкой. Нужно убрать все следы ритуала. Лёгкие и сухие, как дрова, тела-мумии отнёс в кузов грузовика, держа на вытянутых руках – пусть там полежат пока. Потом лопаткой затёр пентаграмму и уложил заново дёрн, омыл от крови ведро в речке и полил дёрн – пусть прирастает. Перекинул машину с телами в хранилище и отошёл подальше, метров на сто выше по течению от места проведения ритуала.

Разделся донага, достал свою грязную форму командира (купание её не отмыло) и начал стирку. Два куска мыла с цветочным запахом нашёл у солдат. Фуражку тоже постирал, сапоги отмыл снаружи и изнутри, потом, когда высохнут, хорошенько начищу – вакса в банке и щётка у меня имеются, в кабине грузовика нашёл. Портянки и исподнее тоже, дважды прошёлся и, выжав, повесил сушится. Сапоги на солнцепёке поставил.

Потом трижды сам помылся, жаль, искупаться нельзя, мелкая речка, по пояс в самом глубоком месте. Так, полежал в воде, охлаждаясь. Сделал себе лежанку из трех одеял – одно как постель, второе сложил вместо подушки, а третьим буду укрываться. Но после полного исцеления спать пока не особо хотелось, время есть. Занялся готовкой, чтобы в запасе горячие и готовые блюда были. Хранилище со стазисом, ничего им не будет.

Развёл костерок, сухие ветки были, пусть мало, но мне должно хватить. Сделал треногу и подвесил на палку три котелка, плоских, немецких. Да других у меня и не было. Котелки отмыл уже, воды залил, и, пока та вскипала, я работал ножом и нарезал всё для двух супов.

В одном котелке сварил какао – жаль, молока не было, но подсластил двумя кусками сахара, хорошо вышло. Потом два супа сварил. Один – на ветчине, с картошкой и луком. Второй – с колбасой копчёной (остатки колбасы я прямо сразу и доел) и с горохом. Гороховая похлёбка вкусная получилась.

Картошки сырой не нашёл, только две варёных в мундире, вот по одной и почистил, нарезал и в каждый котелок отправил. Для объёма. Соль была, посолил, жаль, немного, надо будет запас сделать. Вот так в третий раз поев, уже горячего, весь хлеб и приговорил, галеты только остались. Я прибрался, котелки в хранилище убрал и вскоре уснул в тени дерева на лежанке.

Да, забыл сказать, в отражении воды в речке осмотрел себя. Весь в синяках. Иллюзия держится неплохо, и это хорошо. Попал я в светловолосого парня лет двадцати. Голубоглазый, настоящий ариец. Впрочем, я не возражал. Даже в кавказца бы попал, тоже не возражал бы. Мне вполне привычно было бы.

Выспался я отлично, глянул на солнце – уже заходит, на часы офицера – полтора часа, и стемнеет, и первым делом окунулся. После этого поел, сидя на лежанке, галеты и похлёбка с ветчиной. А ничего так, вкусно. Потом попил какао и проверил свою форму – высохла, только сапоги сырые. Стельки. Ничего, запасные с немца есть.

И вот так устроившись на лежанке, продел нитку в иголку и начал зашивать прорехи в форме. На галифе у колена и на локте френча. Ещё чуть надорван по шву воротник. Да, в принципе, всё. Так что двадцати минут хватило. Я, может, и маг, небожитель, но шить умею. Научился, было время. Поэтому получилось вполне ровно, и не сразу в глаза стёжки бросаются. В следующий раз форму положу на лежанку, между двух одеял, а то мятая, и как после утюга будет.

Даже успел сапоги почистить, долго натирая щёткой, а потом тряпочкой. Ну а как стемнело, надел форму немецкого солдата и побежал в сторону склада с припасами. До него чуть больше километра. И всё же как же хорошо, что я купил эту опцию ночного зрения, нарадоваться не могу. Вот так и бежал.

Перебрался через забор в одном месте, тот дощатый, старался не шуметь. В пределах видимости двое часовых и один всего в ста метрах. Правда, у одного из складов ночная погрузка шла, шумели, вот под их маскировкой и оказался на плохо освещённой территории.

Первым делом осмотрел обе кухни, думал, после ремонта, а они новые. С завода, в консервационной смазке. Прибрал сразу вместе с брезентом и направился к тем, кто погрузкой занимался. Сам я без карабина, остальное на месте. Вот соседний склад, тут фонарь не работал, меня не видно – и вскрыл. Убрал замок в хранилище. Приоткрыл створку и скользнул внутрь, прикрыв за собой.

Что ж, я прав, продовольственные склады. Я попал на склад с консервами. Наугад ведь вскрывал. Тут сплошные ящики были с запасами. Кстати, пока ожидал вечера, просмотрел бумаги в планшетке того интенданта и теперь имею полный список медикаментов в хранилище – с обоих грузовиков груз. Что ж, всё нужное. Даже пенициллин был, только немного, надо поискать эти три упаковки по двадцать ампул. Шприцы тоже имеются. Видимо, кто-то заказал.

Дальше, читая, что где находится, стал убирать в хранилище самое интересное. Даже тушёнка была, рыба балтийская (вот гады, нашу селёдку ловят!), бобы в соусе, сладкие консервы разных видов, джемы всякие. Я отрядил для припасов пятьдесят тонн, это мои личные запасы, тут набрал на складе тридцать тонн консервов. Чего тут только не было, даже подсолнечное масло в пятилитровых консервных банках. Или томатная паста. Замечу, что она итальянская. Тут да, всей Европы консервы представлены; хотя бы по ящику, но взял.

Потом на другой склад. Вот там крупы, набирал мешками разные. Были коробки со спагетти из Италии, пять тонн взял. А люблю я их. Поискал и через четыре вскрытых склада нашёл, где хранили соль и сахар. Даже мёд в бочках был, джем разный. Овощехранилище посетил, набрал овощей, картошки немало. Но самое лучшее хранилище мне сдал местный интендант, которого я взял. Он устало шёл в сторону жилых зданий, видимо, поспать, и сообщил о леднике, там дальше.

У склада часового снимать пришлось. Вскрыв, убрал пять тонн трёх видов колбас, окорока тонну, порядка десяти тонн сосисок, всё свежее. Тут на территории коптильня и мясной цех, разные мясные изделия были. А ведь видел, что труба дымит, но не заинтересовало. Как раз скот забивали, я шесть половинок говяжьих туш увёл и два десятка свиных. В общем, на сто десять тонн припасов набралось. Да ладно, с парнями поделюсь, надеюсь, я найду тех, с кем вырвался из крепости.

Когда я покидал склады, тревога ещё не поднялась, но когда они заполыхали, сирена заработала. Внутри одного склада я оставил мумии тел. Сгорят в пламени. Нечего такие запасы немцам оставлять, пусть горят.

До аэродрома я доехал на лёгком мотоцикле. Там была санитарная эскадрилья. Увёл два новых «Шторьха» в санитарной комплектации из пяти – эти самые свежие. Запас топлива – десять бочек с авиабензином и одна с моторным маслом. Я сам пилот, разобраться с этой туземной летающей штукой было несложно, разобрался, достав самолёт на дороге. Запустил движок, баки полные, и, взлетев, на высоте двухсот метров направился на запад, своих нагонять.

Вот и речка, что-то быстро до Буга добрался. Крепость видна правее, с отсветами пожаров и дымами. Где-то тут наши должны были переплывать. Полетал над берегом и действительно нашёл следы множества ног на нашем берегу – топкая почва с камышами, сверху всё хорошо видно. Полетел дальше и через пятнадцать километров нашёл их на явно заброшенном хуторе. Там крыши обвалились, давно брошен. Да уж, обессиленным им далеко не уйти.

Костёр горел, люди спали прямо на земле, два десятка копались на огороде. Я не сразу понял, что они дикую картошку на заброшенном огороде копают. Услышав авиационный мотор в небе, бойцы засуетились, костёр погас, а я повернул в сторону Бреста. Видел там рядом длинные бараки. Кажется, это склады. Армейского или корпусного подчинения. Немецкого набрал,

теперь запасы своим нужно полнить. Ночь короткая, времени мало, часа два до рассвета осталось, надеюсь успеть.

Сел на дорогу, аккуратно вышло. Потому что не первый заход, второй. На первом вижу, что рытвины и вылечу с дороги при посадке, дал газу и пошёл на второй круг. В этот раз уже сел на отлично. Дальше на мотоцикл – и до складов. Охрана есть, взвод, но сами обширные склады немцев особо не интересовали, поэтому, не трогая часовых, я вскрыл первый наугад. А там форма, амуниция.

Подобрал десять комплектов красноармейской своего размера, десять пар яловых сапог и пять хромовых. Десять комплектов командирской, фуражки, фурнитуру. Двадцать плащ-палаток. А чем дальше шёл вглубь склада, тем больше находил на стеллажах (а те до потолков) связок с красноармейскими шароварами, ботинок и обмоток, шинелей. Их тоже набирал, красноармейские и командирские.

А потом вообще сокровища нашёл. Овчинные полушубки. Взял пять: два моего размера и три побольше. Меховых шапок мало, больше устаревших зимних будёновок, я и их пяток заначил, и десяток шапок взял. Валенки, десять единиц, рукавицы меховые, тёплое белье по пять комплектов, тёплые ватные штаны, телогрейки зелёные, нашёл и несколько комплектов зимних маскировочных костюмов. В общем, хорошо подготовился к зиме.

Потом следующий склад, тут вещевое имущество. Сложенные стопками армейские койки. К слову, не так и много – видимо, резерв. Они в принципе в дефиците. Взял две сборные кровати, два матраса, по три комплекта постельного белья. Три шерстяных одеяла и три подушки. Когда ушёл дальше, вглубь склада, обнаружил буржуйки, взял две с трубами. Там состыкуются колена. Пару лыж с палками тут же нашёл и взял, грузовые санки.

Третий склад. Тоже вещевой, форма, но и снаряжение было. Пять планшеток отобрал, пяток гранатных сумок, вещмешки, их два десятка, бинокли полевые, десять штук. Две взводные палатки и одна командирская. Посуда – от тарелок до котелков. Ложки с кружками тоже. По два десятка комплектов. На третьем складе уже интересно, патроны. Нашёл и забрал десять ящиков с патронами для ТТ, пять для нагана, двадцать для винтовок Мосина. Нашёл патроны для ДШК, взял две тысячи. Есть надежда, что добуду ещё такое вооружение.

Не на складе, а под открытым небом стояли ящики штабелями, я глянул – ручные гранаты и снаряды, но не так и много. Просто те ближе, а чтобы не возвращаться, глянул. Хотя дальше ещё штабеля были. Взял десять ящиков с гранатами Ф-1, два с РГД-33, два с РПГ-40, тридцать ящиков со снарядами для сорокапяток и, усмотрев, прихватил двенадцать для пятидесятисемимиллиметровой противотанковой пушки. Отличная пушка, многие их очень хвалили, взял бы больше, но только столько ящиков нашёл.

Скоро рассветёт, так что я заторопился дальше. Вскрыл следующие склады, два мимо – патроны, в третьем уже оружие. Тут задержался на десять минут. Прихватил ящик с наганами, двадцать штук, потом ящик с ТТ, в нём тоже двадцать пистолетов. Они ещё, каждый, в картонной коробке лежали. Ящик с СВТ, с оптикой, а три ящика со специальными патронами для них у меня были. Ящик с винтовками Мосина, тоже с оптикой. Ящик обычных СВТ, ящик с АВС, обычные. Может, и есть с оптикой, но не хотелось терять время на поиски. Те-то случайно углядел.

Десять ДП, десять пулемётов Максима, два ротных миномёта, два батальонных и два полковых. Приметил собранные зенитные пулемёты. Забрал два счетверённых зенитных пулемёта Максима на треногах и два зенитных ДШК. Подумав, взял один на пехотном станке. Потом, когда уже на выход шёл, в боковом проходе заметил новые ящики. Мне такие ещё не попадались. А там пистолеты-пулемёты. Взял по два ящика ППД образца 34-го года, с рожковыми магазинами, и два ящика с ППД-40. После этого побежал к выходу.

Тут штабеля были. С тревогой глянув в сторону горизонта, который уже заметно посветлел (скоро всё вокруг красками заиграет), стал изучать штабеля у ограды. Ну как и думал –

мины для миномётов. Взял двадцать ящиков для ротных, тридцать для батальонных и пятьдесят для полковых. Ну и ещё десять ящиков с осколочными снарядами для сорокапяток, а то одни бронебойные в запасе. А всё, светло.

Я успел по штабелю подняться, перепрыгнуть через ограду, покатившись кувырком, и побежал прочь – не так и далеко лес был. Вроде не засекли. Достав мотоцикл, я погнал прочь. В сторону хутора, где наши находись, тут по прямой едва семь километров будет.

Вроде неплохо набрал, свободного, как показывает счётчик, хранилища, осталось двенадцать тонн. Я бы даже сказал, отлично. Осталось добавить технику с запасом бензина – и достаточно. Правда, с запасами я поработаю. А зачем мне ящики? Место занимают, вес лишний, так что буду доставать всё, что имеет ящики, и освобождать от укупорки, чтобы ещё что полезное влезло. Запас угля, например. Дрова можно найти, а уголь сложно, лучше иметь запас. Это я про буржуйки. Сейчас скажешь да куда они нужны? А зимой взвоешь без них.

Доехал я до леса быстро, уже краешек солнца показался над горизонтом. Зрение успело перейти на дневное, не слепило, и, проезжая рядом с опушкой, я приметил тележную дорогу, ведущую вглубь. Свернул и осторожно поехал по ней. Метров триста проехал. Как я заметил бросок – сам не понимаю. Похоже, боковым зрением засёк. Поэтому, положив мотоцикл набок (благо ехал тихо), я перекатом ушёл от броска двух пограничников. Живым брали.

Вскочив, я принял на бедро третьего, пока первые два вскакивали, и, ловко увернувшись от удара прикладом четвёртого, взял его руку на излом и заслонился его телом, прижавшись спиной к дереву. Карабин, висевший за спиной, больно врезался в спину. К нам ещё бежали… А прикрыться стоит, потому что лица уж больно у погранцов… нехорошие.

– Отставить! – услышал я приказ, и из-за деревьев вышел капитан, тоже пограничник.

Я же клял себя. Мозги прокачал, а ума не нажил. Тут же немало окруженцев, сам, пока летел, видел костры в разных лесных массивах и рощах. А они по звуку движка и брали.

– Товарищ капитан, отзовите бойцов, – попросил я.

– О как, свой вроде? Чего лицо так изукрашено?

– Попал под взрыв гаубичного снаряда, завалило стеной здания, травмировало.

– Для травмированного ты слишком быстро двигаешься. Отпустите бойца, – приказал тот.

Я отпустил и тут же стал поправлять форму, застёгивая верхние пуговицы френча. То, что я в немецкой форме, меня не смущало. Боец замер на миг, а потом сделал шаг в сторону и, подняв свой карабин, отошёл, настороженно на меня поглядывая. Капитан же, подойдя, спросил:

– Кто такой?

– Лейтенант Павлов. Получил назначение в Сорок Вторую стрелковую дивизию. Прибыл в крепость вечером двадцать первого. Распределён не был, не успели, так как принял бой с бойцами Сорок Четвёртого полка и… Товарищ капитан, личная просьба.

– Что хотели?

– Меня накрыло снарядом днём двадцать третьего, завалило обломками кирпичей, как и ещё пятерых бойцов, только двоих живыми откопали, остальные погибли. В общем, я память потерял. Бойцам говорил, что вроде вспоминаю училище, как в крепость ехал, но не бои в ней, что-то есть смутное. На самом деле лгал, ни-че-го я не помню. Это чтобы не потерять доверие бойцов. Они и так на грани, многие не ели двое суток, постоянно отбивали атаки противника. Всё вокруг смердело трупным запахом, проблемы с водой, пили мочу, чтобы обезвоживания не было. Именно я разработал план, как покинуть крепость. Другие пробовали, но, как мне сказали, умылись кровью. Разработка моя, исполнили бойцы конвойного батальона НКВД. Они нашими соседями были, оборону в своей казарме держали. Старшим у них лейтенант Шаблин.

– Документы, – велел капитан.

Он не один был, рядом ещё двое стояли – младший лейтенант и лейтенант. Поэтому когда я достал из кармана брюк пачку своих документов, именно младший лейтенант их забрал и передал капитану, а пока тот изучал их, спросил у меня:

– Как Шаблин выглядит?

– Плотный, на границе полноты, круглое лицо. Нос картошкой. Лицо грязное, в потёках. Глаза вроде зелёные. Мы с ним в подвале общались, а там потёмки, непонятно было. Дальше общались ночью, там по внешности вообще нечего сказать. Хотя он вроде раскосый.

– Да, Шаблина вы видели. Ладно, что там было с момента потери памяти?

– Умельцы ножами сняли охранение и пулемёты с той стороны Буга, дали сигнал, и мы поплыли. Почти две сотни вывели из крепости. Из них семь десятков бойцов конвойного батальона НКВД. Как старший по званию (сам я травмирован был, в воде шесть часов потом лежал, чтобы опухоли убрать) общее командование взял Шаблин. Там ещё младший лейтенант был. Кажется, Аверин фамилия, артиллерист, но он тяжело ранен. На шинели его несли. Дальше я пообещал добыть припасов, и мы расстались, те должны были уйти подальше, сделав крюк, и вернуться к Бугу, подальше от переправ с немцами. Снова переплыть реку и уходить к нашим. Но они ослабленные от голода, далеко вряд ли ушли. Я добыл продовольствие, два грузовика, но где наши, представляю примерно. Вот и выехал их найти, машины оставил в укромном месте.

Сколько точно тут пограничников, я сказать не мог, они постоянно мелькали, перемещались. Двое подняли мой мотоцикл, поставив к дереву, и заглушили, только пятеро бойцов контролировали меня. Ещё пару женщин с детьми заметил, не похоже, что с заставы. Может, комендатура? А так с три десятка их вроде. Да и армейцы были, двоих рассмотрел с малиновыми петлицами. Видимо, прибились.

– Где грузовики?

– В хорошем укрытии.

– Точные координаты.

– За горкой, где рак свистит.

– Лейтенант! Вы что себе позволяете?!

– Товарищ капитан, я же вам говорил: я память потерял. Вот, например, этот мотоцикл. Я не знаю, как им управлять, не помню, но сел и поехал. Грузовик – не знаю, как управлять, но сел и поехал. Я не знал, что умею говорить на немецком, а услышал речь и сам заговорил. Почти чисто. Я не знаю, как на *** посылать, но могу потренироваться на вас. Те двести бойцов, они меня вынесли из крепости, ухаживали, спасли, я для них всё достану. А вас я знать не знаю.

– Так, контуженый и потерявший память, это стоит иметь в виду, – пробормотал капитан, успокаиваясь. – А о чём вы хотели попросить?

– Я могу вести себя не как командир, просьба поправлять, показывать, что не так. Мало ли где накосячу. Чтобы в курсе были, что по незнанию, а не специально. Например, по тем припасам. Чую, что что-то не так сделал.

– Кстати, а как вы их добыли?

– У немцев.

– У кого?!

– У немцев. Мы, когда переправлялись, взяли живыми миномётчиков, я попросил, и на грузовике их связанными вывез. Через мост проехал на эту сторону, даже не проверили. А тут нашёл интенданта, взял его в плен, показал пленных и сказал: меняю на два грузовика припасов и немного медикаментов. Тот обещал клятвенно, поэтому отпустил его. Думал, наши привезёт, склады-то захвачены – нет, привез свои. Всё честно, забрал грузовик с пленными и оставил мне два своих с грузом. Пришлось сцепку делать, шофёра на вторую машину у меня не было. На двадцать километров перегнал машины, по пути брошенные советские осматривал,

нашёл четыре ящика с патронами, сунул сзади, еле место нашёл, и вот дальше на мотоцикле. Не обманул немец, засады не было.

– Да, это как-то… – ошарашенно пробормотал капитан, – не по-советски, – нашёлся он.

Другие командиры тоже в изумлении были. Я же пожал плечами.

– Вот вы сказали, теперь знаю.

– Так, вы знаете точно, где сейчас сосредоточена группа Шаблина?

– Да. Отсюда четыре километра по прямой. На заброшенном хуторе. Один из моих бойцов оставил записку в обговорённом месте.

– Хутор на восток?

– Так точно.

– Надо говорить «да» или «нет», – несколько рассеянно поправил капитан. – Вы ответили по-старорежимному, лейтенант, что не в ходу.

– Ясно. Спасибо, что поправили.

– Хутор этот я знаю. Быстро дойдём. Вернее так, мы с вами доедем на мотоцикле, а бойцов поведёт лейтенант Лазарев.

– Тогда вы плащ накиньте, а то увидит кто: немец едет и русский командир с ним. Мало ли что подумают?

– А то, что у немца всё лицо в синяках, опухло, это не в счёт?

– Это вблизи нужно видеть.

Сам я отстегнул с багажника тюк плаща и выдал капитану. Карабин у меня забрали и ему отдали, вроде как будет мешать пассажиру, документы не вернули. Вот так устроились и покатили. Капитан сообщал, куда ехать – действительно знал куда. Доехали за тридцать минут, и то потому, что в одном месте пришлось через полуразрушенный мостик, где ручей, руками толкать мотоцикл. Когда метров триста оставалось, нас уже заметить должны были (это вокруг хутора леса, а тут поле с заросшей дорогой), я остановился и, сняв каску, стал махать ею над головой. Да и капитан снял плащ, в который кутался, и надел фуражку, так и доехали.

Встречали, благо не ушли. Шаблин быстро доложился капитану Карповскому, как тот представился ранее, они отошли и поговорили, после этого меня подозвали. Сам я пообщался с Овечкиным, старшина тут же был, обрадовался мне. Я сообщил, что у немцев два грузовика с припасами увёл и немецкую полевую кухню, новую. Эта кухня теперь наша, нашего Сорок Четвёртого стрелкового полка, пусть берёт её под своё командование. Заодно подсчитает, сколько тут бойцов нашей дивизии, я возьму их под командование. Припасы сразу разделит, прикинув пайки, подберёт, поищет повара.

Оказалось, искать не надо, есть такой. Так что старшина стал искать шофёра, точнее, приказал его позвать, а я, хромая для виду, подошёл к Карповскому с Шаблиным. Вот и доложил Шаблину, как старшему, что добыл, перечислив, и, мельком глянув на капитана, сообщил о полевой кухне. По-моему, ей обрадовались больше всего.

Оказалось, бойцы корову увели, уже забили на мясо и жарят на костре с картошкой. Шаблин решил тут задержаться, набраться сил. Рывок от реки показал, как люди ослаблены. Ну и велели доставить грузовики сюда как можно быстрее, уточнив, сколько на это уйдёт времени. Я сказал, около часа, потому что кухня на деревянных колёсах, ехать буду медленно, тросами привяжу. Её же только конями буксируют. Заодно попросил капитана вернуть документы. Тот и карабин вернул, и я побежал к мотоциклу.

Там уже Овечкин ожидал и боец мялся, в красноармейских шароварах, исподней рубахе и сапогах, причём в немецких. Не вооружён. Усадил он меня позади себя на багажник, и мы покатили прочь. Бойцы с надеждой смотрели нам вслед, уже все в курсе, что за припасами поехали.

По пути встретили колонну пограничников, их там шесть десятков оказалось, ошибся я, да и не все на виду, видимо, были, с десяток гражданских ещё. Вот так сообщив лейтенанту,

что наши на хуторе, капитан Карповский принял командование (а это так и было), а я покатил дальше, выискивая место, где достать грузовики. Надо незаметно загрузить их – у меня ведь ничего не готово – и кухню привязать. Вот и поглядывал. Приметив густой молодой ельник, что с краю к леску прилип, к нему и свернул.

– Приехали, – сообщил я бойцу. – Грузовики в километре отсюда. Я схожу, проверю, есть засада или нет. Мало ли, вдруг немцы нашли? Потом вернусь, и доедем. Ждите тут, боец.

– Есть, – ответил тот; не козырял, пилотки-то нет.

Мы закатили мотоцикл под деревья, и я похромал к ельнику. На виду метров двести был, а когда скрылся с глаз бойца, первым делом переоделся в свою форму командира, только сапоги немецкие оставил, свои-то внутри сырые пока. После этого, отбежав метров на пятьсот, неплохую полянку нашёл. Достал оба французских грузовика и стал набивать кузова трехтонок припасами до верха тента: ящики с консервами, коробки с галетами, несколько мешков с крупой и мукой, две коробки со спагетти, соли мешок, какао банки, по два ящика с патронами и несколько мешков с перевязочными материалами и лекарствами. Ну и саму кухню. Одну из двух.

После этого направился обратно, нашел бойца, который в кустах прятался, запустил движок, и мы доехали до стоянки. Дальше – дело техники. Сложнее всего кухню прицепить было, к крюку не подходит, сцепки нет, только тросами и смогли, по-жёсткому, так и выехали. Я первым, боец за мной – машину быстро освоил. Он и приглядывал за кухней. Километров десять в час шли, не выше, за сорок минут доехали.

Нас встречали, показали, куда ставить машины, – и сразу на разгрузку. Кухню вручную откатили под навес. Там повар с помощниками сразу начали смазку отмывать. Овечкин, которого замом по тылу назначили, да он и был ротным старшиной, принимал припасы. Патроны уже расходились, ящики вскрыли, внутри по два цинка, медикаменты – трём санинструкторам и одному фельдшеру в звании старшины. Он у нас главный медик. Карповский с удовольствием осмотрел меня и сказал, что теперь хоть на человека похож. Ну а пока суета стояла, я на мотоцикле снова уехал. Никто остановить не успел.

На самом деле отъехал я недалеко, устроился в лесном овраге, убрав мотоцикл, и занялся делами, которыми не смог бы заняться на хуторе. А именно: приготовить оружие к бою. У меня даже пистолет в кобуре не почищен. И поглядывал по сторонам. Карповский своих людей разослал в разные стороны, на разведку, по пять бойцов при младшем командире, могут на меня наткнуться, чего я бы не хотел. А вообще, большая часть окруженцев уже схлынула, остались лишь те, кто задержался по разным причинам, и раненые.

Это я к тому, что засёк движение между деревьями и, перемещаясь ближе, от дерева до дерева, обнаружил шесть девушек и пожилого бойца. Медики: две девушки в форме командиров – военврач третьего ранга и военфельдшер; четыре в форме сержантов – медсестры, скорее всего, и боец-санитар, как я его определил. Оружие только у командиров. По крайней мере, кобуры на положенных местах имеют. Идут усталые, заморённые какие-то. Без вещей, только у санитара и шинелька, и вещмешок имелись.

– Кхм, – прочистил я горло и, когда те зашуганно остановились, две так даже присели, поздоровался: – Доброго утра, девушки!

Военврач быстрее пришла в себя. Осмотревшись, кинула на меня быстрый взгляд и спросила:

– Лейтенант, наши далеко?

– Далеко. К Слуцку уже почти отошли. Это я о передовой. Если о тех, кто попал в окружение, как и мы, то тут недалеко хутор. Там бойцы восстанавливаются, много раненых, ваша помощь пригодится. Скоро как раз обед на кухне готов будет. Если поспешите, вас встретят и накормят. Кстати, разрешите представиться: лейтенант Павлов, направлен служить в Сорок Вторую стрелковую дивизию, но назначения получить не успел.

– Мы тоже из Сорок Второй, из медсанбата, не успели эвакуироваться. Последними были, – пояснила военврач. – Хорошо, спрятаться успели, вот только сегодня нагонять пошли.

– Дима, вы меня не помните? – спросила военфельдшер. – Мы вместе приехали на поезде, в Бресте на вокзал сошли.

– Простите, я командовал участком обороны в крепости, попал под разрыв снаряда, завалило обломками кирпичей. Получил по голове. Я ничего не помню до этого момента. Заново родился, как откопали. Как зовут, из документов узнал. Идёмте, я покажу тропку, там сами дойдёте. Я пока занят. Если обо мне спросят, скажите, через час буду. Готовлюсь долги раздать.

Дальше проводил их до тропинки на опушке, указал на крыши вдали – мол, туда идите, – и медики вскоре ушли, а я вернулся в овраг и продолжил. До их появления я успел почистить свой пистолет от нагара, вскрыть ящик с патронами к нему и зарядить оба магазина. Потом вскрыл ящик с ППД, теми, что с дисковыми магазинами, и начал счищать консервационную смазку. Нанес оружейную, снарядил диски.

Вот чёрт, как же не хватало третьей руки! Сложное дело, но десять дисков снарядил, подобрав, чтобы подходили. Восемь к одному автомату и два к другому. Его я тоже почистил. Тут как раз и заметил движение. А как отправил медиков, продолжил: одну СВТ с оптикой подготовил, снарядив магазины, один ДП, убрал в коробку снаряжённые диски к этому ручному пулемёту. Момент зарядки – не простое дело. Ну и под конец набил специальной машинкой четыре ленты для максима, его тоже подготовил к бою. Ещё два нагана почистил и снарядил, три десятка разных гранат – и решил, что хватит пока, и так час прошёл.

Потом подготовил два вещмешка. Один за спину, на бок ППД, и второй вещмешок на грудь. После чего достал мотоцикл и покатил обратно к хутору. А там суета. Встретили нормально. Оставив мотоцикл у одного из грузовиков, узнал, в чём дело. Одна из групп пограничников, проводившая поиск, наткнулась на наших. Причём своих – тоже погранцы были, смешанная группа. И там нашелся батальонный комиссар (да, у погранцов свои политработники тоже были), он и принял командование как старший по званию и приказал уходить – через час должны выйти.

Раненых и часть медиков оставляли тут. Овечкин как раз наблюдал, как повар котлы моет, чтобы вторую партию блюд начать готовить (это ротная кухня, на сто тридцать человек, а нас тут почти триста), и я приказал ему отыскать и построить всех бойцов и командиров из Сорок Второй стрелковой дивизии. Другие не интересуют.

Когда построили, я сообщил:

– Товарищи бойцы, мне стало известно, где сейчас находится наша дивизия. Она с боями отступает на линию Бобруйск – Слуцк, там и будем её искать. Выходим, как медики дадут добро. Теперь по личному. Я помню добро, воинскую отвагу и честь воина. И также хорошо помню, как меня извлекли из завала, как лечили, как помогли и выносили из крепости. Спасли, по сути. Старшина Овечкин, два шага из строя!

Тот в строю стоял – я велел встать, когда все построились. После чего, подойдя, известил громко, чтобы строй бойцов слышал мои слова (а из нашей дивизии тут было сто тридцать семь бойцов и четыре командира, себя и старшину я считаю):

– Старшина Овечкин за беспорочную боевую службу и спасение своего командира награждается наручными часами, а также получает личное оружие.

Я достал из вещмешка, что висел за спиной, кобуру с наганом, тут и портупея была, а также трофейные часы, и вручил старшине. Второй вещмешок и автомат лежали в сторонке. После этого Овечкин, отдав честь, вернулся в строй. А оружие нужно было выдать, ремень у того пустой, подсумки для винтовочных обойм пустые, и всё.

Потом вызвал того бойца, что помогал идти к Бугу. Ему выдал наручные часы, банку консервов с ветчиной и пачку галет. Там сто грамм выходило. Также тем бойцам, что меня

откапывали (а я всех помнил), выдал по банке консервов и пачке галет. Для оголодавших бойцов это была лучшая награда.

Как я отметил, это произвело впечатление и подняло мой авторитет. Тем более я сообщал, за что конкретно награждаю. Опустевший вещмешок я отдал старшине, ему уж точно пригодится. Тот уже нацепил кобуру, ремень портупеи перекинул через плечо, часы надел и был доволен. После этого перед строем приказал ему составить списки вещевого имущества бойцов, чего не хватает, вплоть до шинелей, и представить мне, заодно тетрадь и карандаш выдал. После этого распустил строй.

Затем посыльный, что терпеливо ожидал минут пять, отвёл меня к группе командиров, там и военврач была. Козырнув, я представился. Комиссар сначала спросил, где я был.

– Долги готовился раздать и раздавал, товарищ батальонный комиссар. Товарищ комиссар, разрешите обратиться к лейтенанту Шаблину?

– Разрешаю.

Повернулся к тому:

– Я говорил, что должен тебе за тех пленных немцев и грузовик, а я обещания держу.

– Так ты же продовольствия…

– Ты не уводи тему. То для всех, а тут чисто для тебя. Значит, держи пилотку, командир без головного убора не должен быть. Теперь ППД. Он теперь твой. И этот вещмешок. Тут всё, что нужно командиру. Бритвенные принадлежности, запасное нательное бельё, мыло трофейное, полотенце. Немецкий котелок с кружкой и ложкой, две банки немецких консервов и пачка галет, ну и запасной диск к автомату, триста патронов и две ручные гранаты. Это всё, что уместилось. Владей, и спасибо, что просьбу выполнил.

Вещмешок, который ранее на груди висел, я передал новому владельцу. А побриться ему нужно, щетина отросла. Как и другим. Хотя у меня тоже колется – похоже, Дмитрий уже брился, – но не так заметна: щетина светлая и на коже слабо видна.

Дальше слово взял батальонный комиссар, что соответствовало званию армейского майора, и поставил задачу. Оказывается, две группы пограничников атаковали немецкий обоз и, частично перебив возниц и частично разогнав, захватили восемь повозок. Разгрузив (там какое-то инженерное имущество было), их пригнали сюда. Плохие новости: уцелевшие обозники уже должны нажаловаться, а по следам найти наше укрытие несложно. Скоро можно ожидать гостей. А майор радовался тому, что есть на чём вывозить кухню, ну и раненых. Поэтому и был отдан приказ готовиться к выдвижению.

– Нет, – хорошенько подумав, сказал я.

– Что значит «нет»?! – с грозным видом нахмурился майор.

Карповский морщился, но не возражал, он отлично знал этого политработника, они из одной комендатуры, поэтому не возражал. Пусть своими командует, а я армеец. В общем, уходить я не желал. Не так сказал, уйти мы уйдём, сразу, как эта банда свалит, но под командование этого хмыря я не пойду. Да сразу было ясно, что ничего путного с ним не будет. Погибнем, или нас рассеют и пленят. Я-то ускользну, но терять бойцов, над которыми взял командование, не желаю.

– Это означает, товарищ батальонный комиссар, что вы можете забрать подчинённых вам бойцов и командиров и уйти, я даже кухню вам отдам, но я и мои бойцы, все из Сорок Второй стрелковой дивизии, останутся тут. Товарищ военврач голоса не имеет, она из той же дивизии и находится в моём подчинении.

– Лейтенант, вы что, с ума сошли? – Тот, похоже, не верил своим ушам, меня это даже позабавило. – Это приказ!

– Как бы вам вежливо и тактично ответить?.. А, вот. А мне насрать. Вы никто, и звать вас никак. Своими пограничниками и командуйте.

– Арестовать! – задыхаясь от ярости и покраснев лицом, выдохнул тот. – Под трибунал!

– Давай, рискни! – В руках у меня тут же появилась граната Ф-1, и я выдернул кольцо, удерживая скобу одним мизинцем.

Политработник смотрел на гранату, как кролик на удава. Да и не он один. Карповский же, вздохнув, объяснил своему командиру:

– Товарищ Гордиевский, лейтенант Павлов контужен и потерял память. Он лично попросил следить за ним и указывать, если он будет вести себя не так, как положено красному командиру. Лейтенант, уберите гранату и объясните свои мотивы. Ваше «не хочу» – это не объяснение.

Демонстративно вернув кольцо на место, что вызвало у некоторых вздохи облегчения, я повесил гранату за скобу на ремень и сказал:

– Уже все в курсе, что я потерял память, я не могу её пока восстановить, поэтому собираю сведения от кого могу. Поговорил я и с немцами, взятыми мной в плен. Как-то вопрос зашёл о советских политработниках. Немцам сверху спустили приказ расстреливать на месте при выявлении жидов, комиссаров, работников НКВД и пограничников. Немцы педанты, они исполняют приказы неукоснительно. Однако от политработников немецкие офицеры в полном восхищении и в восторге. Они их очень хвалят. Сейчас объясню причины, на примере. Допустим, двигается пехотный батальон вермахта и натыкается на наспех выстроенную оборону русских. Откатившись, те готовятся дать координаты артиллерии, миномётчики тоже миномёты готовят, в общем, обычная работа по подготовке к вскрытию обороны. А тут из окопа выскакивает командир со звёздами на рукавах, с пистолетом, и с криком бежит на немцев. За ним волной, с винтовками в руках, выбираются бойцы и бегут следом, блестя гранями штыков. Представили ситуацию?

– Ничего необычного в этом не вижу, – пожал плечами комиссар. – Я сам в Гражданскую так в атаки ходил.

– А для немцев это дико. И сейчас не Гражданская, воюют по другим нормам. Они уже знают привычки политработников и встречают нашу атаку как надо, огнём пулемётов, а в пехотном батальоне вермахта их много. Причём комиссаров стараются не задеть: если он упадёт, бойцы залягут, и тогда предстоит долгая перестрелка. Солдатам строго-настрого приказано стрелять его одним из последних – и атака остановлена, захлебнулась в крови. Немцы добивают штыками раненых, идут занимать пустые окопы. Там, где те, вскрывая оборону, обязательно бы понесли потери, они легко уничтожили обороняющихся и идут дальше. И таких случаев было множество, немцы в восхищении от того, как советские политработники помогают вермахту уничтожать кадровый состав Красной армии и открывают им дорогу. Это показания пленных, я передаю их слово в слово. Правда, стоит отметить, что не все политработники такие, не все. Опять же со слов пленных немцев, были два комиссара, обеспечивших крепкую оборону, немцы кровью умылись. В одном месте сутки не могли сбить наших с позиций. А не обойдёшь: наши, когда немцы на сто метров подходили, поднимались в контратаку, отбивая её, собирали с убитых немцев оружие и патроны (своё уже закончилось) и снова уходили в укрытия. До последнего защитника стояли. Командовал ими полковник, немцы не разбираются в ваших чинах. Вот этим двум политработникам – они погибли – я бы в ноги поклонился, выказывая своё уважение. Они заслужили. Поэтому пока мы тут общались, я прикидывал, к какой категории вас отнести. Вы не чета тем двум комиссарам, к которым немцы отнеслись с уважением и даже похоронили с воинскими почестями. Они уважают хороших и достойных воинов. Вы из тех, что поднимают бойцов в бессмысленную атаку, и погубите их с лёгкостью. В душе ничего не дрогнет. Поэтому и говорю. Своих забирайте, а моих трогать не сметь! Тем более мне за это ничего не будет. Я до своих дойду, а вы гнить где-то в бурьяне будете. Мёртвые не жалуются и рапорты не подают. В этом и причина моего отказа. И другого решения вы не услышите, нам с вами не по пути.

Этот батальонный комиссар Гордиевский меня прекрасно услышал и, поглядывая на гранату, висевшую на ремне, только пожал плечами. Что с контуженого взять?

Они забрали все повозки и кухню, раз сам предложил, и убыли. Почти восемьдесят пограничников. Удивительно, но факт: играя словами, стараясь не обидеть комиссара, Шаблин отказался уходить со своими бойцами. А Карповскому делать нечего, только козырнул и пошёл приказ выполнять.

Так повозки и кухня убыли в тыловой колонне пограничников. Двух коней, что у них были, для кухни использовали. Только одну повозку оставили и раненых. А оставшиеся припасы честно пополам поделили. Так получилось, что я стал старшим командиром, Шаблин замом, и не без интереса смотрел, что будет дальше.

Убедившись, что прилипалы ушли, по сути, ограбив нас, я стал отдавать приказы:

– Товарищ военврач. Раненых подготовить к транспортировке, если есть срочные операции, то начинайте. Через два часа мы уходим. Те, кто захватил обоз, не думая привели его сюда, и по следам тут скоро будут немцы. Поэтому стоит поторопиться. Да, подготовьте список медикаментов, которые вам нужны, постараюсь добыть. Старшина Овечкин, вы остаётесь ротным старшиной, считайте всех оставшихся ротой, включая раненых. Бойцы конвойного батальона как отдельный взвод. Для вас – принять новую трофейную полевую кухню, очистить от смазки и начать готовить обед. Дальше, в том дальнем лесу на полянке три лошади – судя по оборванным постромкам, или из погибшего обоза, или артиллерийские. Больно крупные. Две лошади ранены. Послать бойцов и привести сюда. Найти коновала, чтобы начал лечение. Двух коней в повозку, одного в кухню запряжёте. Подготовьте всё к вывозу. Будем использовать грузовики, потом их бросим. Лейтенанту Шаблину – сформировать из бойцов подразделения, поставив командовать оставшихся командиров. Стрелки – в отдельную роту, четыре стрелковых взвода и хозвзвод. Артиллеристы и остальные – в отдельный взвод. Медики отдельно. Всё, расходимся. Старшина, список с тем, что необходимо бойцам, составил?

– Да, товарищ лейтенант, вот он.

– Хорошо. Поищем. А пока работаем. Не стоим.

Командиры разбежались, работы хватает. А я трёх коноводов, опытных лошадников, повёл на поляну. Лошади ещё там были, зашуганные чуть, в руки не давались, так что бойцы занялись ими. Одному передал кухню (достал на краю поляны с другой стороны кустарника, без свидетелей), так что тот сразу запряг целого коня и покатил к хутору.

Основные приказы отданы, а мне еще нужно людей одеть, снарядить и вооружить. Ну и средства транспортировки. Грузовики бросим. Повозки или телеги нужны. Минимум пять, а лучше десять. Что ж, поищем.

Я по-честному вернулся с лошадниками и вскоре увёл людей с хутора. Наблюдателя оставил, тот потом сообщил, что немцы только через три часа появились, вышли цепью из леса, покрутились и укатили. Их там три грузовика с бронетранспортёром было.

А на новом месте, в пяти километрах от хутора, у озера, в роще слегка дымила кухня. Бойцы спали, спал и я. Готовился к новому ночному вояжу. Снова придётся посетить те склады, то ли корпусного, то ли армейского подчинения. Уснул поздновато, время третий час шёл, но ничего, мне хватит. Уже всех предупредил: следующей ночью двинем к своим. Надеюсь, за эту ночь успею всё сделать.

Разбудили меня вовремя, как раз темнеть начинало. Большинство бойцов уже отбыло ко сну, наблюдатели и секреты выставлены, чтобы врасплох не застали. На весь отряд всего два ручных пулемёта, их на постах установили, и больше ничего серьёзного. Не страшно, исправлю. Получив миску с кашей от дежурного по кухне, завтрак, поел, даже лепешка была, повар напёк. Он остался, погранцы своего повара использовать будут. Если он есть. Причём ту кухню увели, где уже готовилась очередная партия блюд. Да не важно.

Я для начала проверил с дежурным младшим командиром, как охранение, оставил его за старшего – сержанта Демидова, Шаблин спал, – отбежал километра на четыре, достал «Шторьх» и взлетел. Не хотелось терять время. До тех складов у Бреста было километров десять, и долетел я быстро. Сел в километре, дальше просто побежал.

Хм, немцы о кражах знали, новые замки на створках, охрана усиленная. Ну-ну. Проникнуть на территорию и снова вскрыть створки удалось легко. Дальше стал комплекты формы набирать, шинелей две сотни, включая командирские, фурнитуру, нитки с иголками. Вязанки сапог. Даже ремни и подсумки. Да всё, включая каски, котелки и кружки с ложками. А то ели по очереди, посуды не хватало.

У меня двадцать пять тонн свободного места в хранилище. А что, двенадцать было, тринадцать получил, когда два грузовика с припасами и кухней передал. Вот и освободил. Дальше – оружейный склад, где взял двадцать ППД-40, пятьдесят карабинов Мосина, двадцать СВТ, тридцать ручных пулемётов ДП, два станковых пулемёта Максима. Ну и патроны с гранатами. Всё, полное хранилище.

Вернулся я к месту стоянки таким же образом – сел за три километра, дальше добежал и сложил все, что набрал, в сторонке, в другом овраге, отдельно. Утром передавать буду. Также достал медикаменты по списку Воронцовой – это фамилия военврача. Даже пенициллин выложил и шприцы. Медикаменты накрыл брезентом. Ну и снова к самолёту – и обратно взлетел.

На обратном пути я заметил стоянку трофейной советской техники, захваченной немцами, вот и пробрался на территорию. А там чего только не было. Сначала увёл новенькую эмку в кузове цвета хаки. Редкая вездеходная. Потом новенькую полуторку с крытым кузовом. ЗИС-5 – одну целую машину нашёл, и новую, однако на тенте кузова белые круги с красными крестами. Санитарная. Правда, кузов как кузов, подвесных коек, чтобы перевозить раненых, нет. Всё равно забрал.

Тут приметил совершенно новый БА-10М, причём с полными баками, боекомплектом, замок на пушке и пулемёты на месте. Машину сюда явно своим ходом пригнали, и стояла та у казармы охраны. Пять с половиной тонн. Пригодится. Прибрал. А следом Т-40, плавающая танкетка – нужно иметь что-то с гусеницами, а тут ещё и плавать умеет, и весит пять с половиной тонн. Правда, пушка стояла в двадцать миллиметров, боекомплекта нет, и у меня такие снаряды отсутствуют. Ничего, прибрал.

Да, танки и бронемашина закрыты были, но я нашёл спецключ для открытия, даже два. Вроде хватит, но ещё новый легковой мотоцикл Л-300 прибрал. Места осталось семь тонн. Поэтому я направился к арт-системам, но в стороне приметил ряд полевых армейских кухонь. Прибрал одну новую советскую на три котла, из чугуна, с двумя духовками. Здоровая дура, весит тонну шестьсот. Судя по прицепному устройству, буксируется грузовиками. Полуторка вряд ли утянет, тяжёлая, а ЗИС сможет.

Потом поискал среди рядов пушек и убрал две сорокапятки, на резиновом ходу, внутри наполнитель, и одну пушку в пятьдесят семь миллиметров. Искал её и нашёл. Замки и прицелы на месте. Орудия брал без передков. Точнее, одна его имела, отчего вес повысился на полтонны. Её своему отряду передам. Серьёзное орудие всё же должно быть.

Потом к ящикам, долго искал, полчаса, но нашёл всего шестьсот снарядов к танкетке. Дальше поискав, нашёл, где складированы бочки с топливом. В основном пустые, но нашёл с бензином и парочку с моторным маслом. Вот ими и заполнил оставшееся место.

Далее, посетив свой отряд, но не сообщая о себе, выложил пушку с передком, двадцать ящиков со снарядами. Подумав, и кухню тоже – надо немецкую найти, её хоть лошадью транспортировать можно будет. Снова поднялся в небо и полетел прочь, с высоты ведя разведку. Искал немцев. Хм, приметил лошадей и повозки. Обоз, причём брошенный, рядом никого. Это нам пригодится.

А искал я именно небольшую группу немцев, десятка два, что стоят отдельно и будут годны для вызова демона. Уже другого. Тут стоит пояснить. Работал я со слабыми демонами, только с ними можно вот так на скорую руку сделанной пентаграммой работать, не вырвутся. А те, что посерьёзнее, перейдут и не заметят, и меня же первым схарчат.

У демонов это идея фикс, призывателя съесть. Причём не только душу, а и в прямом смысле. Так что тут нужен специальный зал и мощная пентаграмма, а не то, что я делаю. У демонов своя специфика перемещений, и купол, что накрыл этот мир, мной и накрытый, им не мешал. Но они слабые.

Я собирался вызывать демона, прозванного воришкой. А он больше ничего не умеет, но заказ выполнит любой. А что, говоришь чётко, что нужно, он по названию открывает микропортал и утаскивает эту вещь из другого мира. Причём даже не зная, что за мир и что за вещь. Платишь за работу душами. Это обычная плата. Так вот, я много что хочу заполучить из космического мира.

Нашёл я такую группу – взвод велосипедистов, стоявших на ночёвке у речки. У Кобрина. Правда, сел не у них, а рядом с другой пехотной частью, увёл там кухню. Такую же, как у нас. Кстати, у кухонь тоже передки были, тут с передком забрал. Дальше добежал до велосипедистов, сняв часового и прибрав один велосипед получше, после этого, стараясь не разбудить остальных, стал резать пентаграмму.

Час – и готово, не на песке, выше от берега поднялся. Срезал дёрн и работал на почве, трамбовал. Тут другая пентаграмма. Не та, что для ментального мага, но тоже довольно сложная. После этого принёс часового. Вырубив ещё двоих, принёс и их. Дальше кровь сливал и убил двоих, тут подольше стоит с демоном пообщаться. Говорил негромко, неважно, какая громкость, главное – правильно сказанная ритуальная фраза. Наконец Клоп (я так звал этого демона, он в виде паука был, только размером с добермана) появился.

– Что тебе, человек? – проскрипел он жвалами.

Всё же разбудил кого-то. Я обернулся, на стоянке зашевелились двое, поэтому быстро сказал:

– Пользованный ручной полицейский станнер шестого поколения модели «Вуспер», без привязки, с полным зарядом батарей. Плачу одну чужую душу.

– Две. Сложный мир для призыва.

– Согласен! – воскликнул я и тут же швырнул одно тело, души двух других ушли в качестве батареек. – Аванс.

У меня в ногах тут же появился станнер. Я присел – позади крики стояли, тревогу подняли – и, выдернув станнер из кобуры, облучил всех немцев одним движением руки узким лучом. Всё стихло.

Почему я взял пользованную модель? Так она сразу готова к бою, не надо вскрывать заводской бокс, готовить оружие. Всё в доли секунды происходило. Да ещё когда я ухватился за рукоятку, оружие автоматически приписалось к моей ДНК, теперь только я смогу им пользоваться. Видимо, Клоп его из какого-то ломбарда тиснул. Ну и ещё я радовался тому, что демон всё же пробивается через купол, и это хорошо. А пока, сунув станнер в один карман галифе, кобуру в другой, я бросился к соням. Ухватил одного немца за руку, взвалил на загривок (вот тяжёлый!) и, подбежав к пентаграмме, закинул жертву внутрь.

– Оплата принята, – подтвердил демон.

– Сейчас оплачу чужой душой вопросы.

Сбегав за следующим немцем, я закинул в пентаграмму и его и начал задавать вопросы:

– Ты можешь меня вытащить из этого мира?

– Нет, ничего живого, купол слишком мощный.

– Чёрт. Ладно, у меня ещё есть заказы. Для начала, какую максимальную массу ты сможешь за раз добыть?

Тот задумался, надолго, десять секунд, но для меня как целая минута прошла.

– Не больше двухсот килограмм. Закрытый мир, сильная защита. Много сил уходит пробить. Ещё три заказа – и всё, отпусти меня, человек.

– Понял. Три так три. Потом ещё вызову, когда смогу. Так, второй заказ – это два новых разведывательных дрона пятого поколения модели «Крафт», в комплекте с микродроном-ретранслятором и планшетом управления. К ним коды доступа. Три чужих души даю.

– Пять. Вес по восемьдесят килограмм.

– Хорошо.

Быстро перетаскав четыре тела, которые быстро превратились в мумии, я получил два новых кофра. Сверху лежали включённые планшеты. Точно, коды к дронам и планшетам управления, что лежали внутри, на этих двух левых планшетах, полученных мною, по сути, на шару, были на месте. Всё убрал пока в хранилище, делая следующий заказ.

– Пять новых спаснаборов для десантных ботов пятого поколения модели «Десантник». Две чужие души.

– Хорошо.

Сбегав дважды, принёс два тела, расплатился и получил баулы с наборами для выживания. Там были: игольник с боезапасом, десять офицерских пайков, планшет, палатка, спальник с климатом, подстилка (на снегу спать можно), навес, верёвка, аптечка, рыболовные принадлежности, оборудование охраны лагеря, котелок и специи. Но главное – солнечная батарея, которая может зарядить всю электронику. И дроны, купленные ранее, тоже.

Также в бауле имелись гигиенические принадлежности – это не только уход за полостью рта и телом, но и, извините, замена туалетной бумаги. В космосе дефицитную бумагу не тратят, там есть такие штуки вроде ракушек, их используют, подчищаясь, как в туалет сходят. Щекотно, но чисто. А то меня задрали эти листочки и лопухи. Уж извините за такие подробности. Заряда батареи «ракушки» хватает на два месяца, но чем зарядить есть. Так что эта покупка шикарная.

Проверил пломбы заводские на замках и сразу убрал в хранилище, озвучив четвёртую и завершающую на сегодня хотелку. Я устал без музыки.

– Мир Земли, две тысячи двадцать второй год. Нужен ноутбук, самый мощный, на котором в памяти записаны русские песни. К ноуту – дорогие динамики.

– Невыполнимо, нет чётких данных по предметам.

– Чёрт. Ладно, шесть ящиков плазменных гранат пятого поколения «Лао». Две чужие души даю.

– Хорошо.

Ящики появились рядом. Общий их вес – ровно двести кило. В каждом ящике по триста гранат. У меня уже несколько случаев было, когда я сильно сожалел, что их нет на руках. Груз я отправил в хранилище и затёр в пентаграмме одну линию из узора, что удерживала демона в пентаграмме и не отпускала в свой мир. Пора ему домой возвращаться, что демон и сделал.

М-да, не все немцы были использованы. Впрочем, я прошёлся и без сожаления доработал штыком. Зря души потратил, ушли на перерождение, но что поделать, не живыми же оставлять.

Собрал документы, один МГ-34, к нему десять снаряжённых «улиток» от других пулемётов, их всего четыре было. Все пистолеты забрал, пять штук, все МП, и неожиданно обнаружил противотанковое ружьё – забрал со всем запасом патронов к нему.

Облил сухие тела-мумии бензином из канистры, поджёг. Что по пентаграмме, то землю я сразу же срезал и затоптал, и вскоре, оставив позади яркий костёр (жарко пылали тела, это я улики убирал), полетел обратно к своим. Основное сделал, остальное можно позже.

Как добрался, так же подальше сел и пробежался. Поднял старшину, с десяток бойцов и повел их к горе имущества и вооружения. Ящики с патронами и гранатами там тоже были, так что старшина стал составлять списки, а я помогал.

Ещё дал ему задание. Ту советскую кухню, что прицепная к автомобилю, отмыть и с утра приготовить в котлах блюда. В одном щи на свинине – запас овощей я выдал, во втором кашу пшённую, а в третьем гуляш. В духовках пусть пекут хлеб буханками. Как себе запас сделают, пусть начинают новые печь и укладывать в кузов машины. Блюда из этой кухни, советской, не пойдут нашему отряду – это другим. А для нашего отряда – вторая кухня. Теперь две будет. С лошадьми я решу вопрос.

Я сбегал за одним из французских грузовиков и, перебудив людей, отбуксировал на нём советскую кухню к нашей. Вскоре лошадью туда же отбуксировали и вторую немецкую кухню, повар принимал. Повторив задание, я выдал ему полную свиную тушу. Без ливера, потроха в тазу отдельно, с картошкой сам потом пожарю. До рассвета оставалось два часа. Повар обещал с утра начать, а пока все спать.

Все да не все. Я забрал второй грузовик и десяток бойцов, и мы доехали до того обоза, что я видел. Семь километров. Светя фарами, помог ловить лошадей (постромки у них обрезаны были), осматривать повозки и телеги, а перевозили там боеприпасы. Часть прибрали с собой, восемь телег признали годными, плюс три коня взяли, а также набрали ремней в запас. Им там виднее. И вот так выстроившись, обоз пошёл обратно. Машину я бросил, с ними и доехал, сообщая, где немцы стоят. До этого мы проскочили мимо на скорости, а тут обоз стороной, полями провёл. И когда светать начало, прибыли на место.

Шаблин был уже в курсе дел. Бойцы получали обмундирование, пришивали петлицы с эмблемами, оружие получали. Меняли немецкое на своё, винтовки, автоматы, пулемёты разошлись, расчёты для пушки и станковых пулемётов были уже сформированы. В общем, многие с нитками и иголками работали.

Шаблину выдали шинель комсостава, как и другим командирам, включая медиков: так теплее спать на земле. Плащ-палаток с сотню разошлось. Боеприпасы и гранаты принимали. Пустые ящики стояли штабелями. Часть на дрова пустили. Все вещмешки и котелки получали, тут не только для моей дивизии, на всех брал, с ложками, чему радовались. Да и вторая кухня тоже порадовала.

Вот теперь воинский отряд, а не сброд, как раньше казалось. Поспать мне дали три часа, потом подняли. Все блюда, что я заказал, были готовы, более того, ещё испекли двадцать буханок белого хлеба. Они в кузове машины, накрыты простынёй из тех, что я набрал для раненых.

Кухня была прицеплена к грузовику, котлы закрыты, ничего не прольётся, топки погашены, и я укатил. На пару километров. Кстати, повар показал, где половники сложены, которые входят в комплект кухни. Я вот не знал.

Отъехав подальше, я отцепил кухню и убрал в хранилище, туда и буханки. Представляете, осталось свободным шесть килограмм! А повар на три кухни был всего один и пять помощников, как он справился с ними – сам не понимаю. Зато всех разом с двух немецких кухонь покормили.

К нам ещё восемь бойцов при одном командире вышли, на запах от кухонь, в ужасном состоянии, не форма – лохмотья. Тоже из крепости вырвались, вчера ночью. Двое из нашего полка, один вообще боец Шаблина. Медики их осмотрели, после чего им форму выдали, вооружили и включили в строй. Ну и покормили, конечно – те сильно ослаблены были, – и отдыхать. Ночью двинем.

Кстати, и до меня дошли руки врачей. После осмотра они удивлялись, что синяки мои не желтеют. Ну да, один вид имеют, и так ещё месяц, это плохо. Опухоль якобы скинул, полежав в речной воде, это помогло, но поглядывали на меня с сомнением.

Воронцова одному раненому операцию провела – воспаление, нашла гнойник и вскрыла, пенициллин использовала. За медикаменты очень благодарила.

Насчёт телег – шесть для раненых, седьмая для припасов, восьмая для станковых пулемётов, патронов для них и пары ящиков гранат. Девятая – для снарядов к пушке. В общем, впритык, многое бойцы на себе понесут.

После полудня дал отбой, только часовые и наблюдатели сменялись. Да, я же имел три тюка маскировочных сетей, одна в запасе, в хранилище, а две выдал. Натянули, чтобы нас с воздуха не обнаружили. Да и так проводили маскировочные мероприятия.

За день особых событий не было, ну кроме выдачи того, что добыл, и восьми новеньких. Только одно: за всё время войны мы впервые увидели наши самолёты. А вот так. Семь СБ пролетели куда-то в сторону Польши, левее Бреста полетят. Какое задание – не знаю, но летели без истребительного прикрытия. Народ радовался: всё же летают наши, а то каких только разговоров не велось.

За час до заката – подъём. Успели умыться, кто-то и искупался: вообще, купались часто, запрета не было. Позавтракали кашей с чаем и хлебом. Возницы осмотрели телеги заранее, дёготь где-то нашли и смазали оси. Большая часть вещей уже была погружена. Раненых уложили на солому, и вот так выдвинулись.

К слову, у первой кухни столовались два наличных стрелковых взвода и хозвзвод, у второй – медики, отряд Шаблина и артиллеристы. Да, мне Шаблин подал списки тех, кто у нас имеет ВУС – учётную воинскую специальность. Например, восемь крепких мужиков – они прачки. Куда их? К медикам санитарами направил. Разные спецы – кого в хозвзвод к Овечкину, а других одной гребёнкой в стрелки.

Автоматы и пулемёты разошлись крепким бойцам второго или третьего года службы. Многие поучаствовали в Финской войне, знают это оружие хорошо. Кто-то на плече цинк патронов нёс, другие самодельные носилки с гранатами. В общем, построились в колонну, я в дозоре, Шаблин возглавляет основную, так с наступлением темноты и пошли. Чуть поскрипывали телеги, но вблизи слышно, а вдалеке уже нет.

Знаете, даже и описывать нечего. Шли немало, один раз речку по мосту перешли, он не охранялся, и лишь в двухстах метрах какие-то немцы в поле ночевали. Ничего, прошли и дальше двинули, но вот так на дорогу нечасто выходили. За ночь тридцать километров отмахали с двумя получасовыми остановками на отдых – лошадей напоить, поесть. Кухни на ходу работали, повар – золото, я ему наручные часы вручил как награду от меня лично.

Ночи короткие, расстояние ещё солидное, а тут место неплохое для дневки попалось – глубокий овраг, что к речке выходил. Натянули маскировочные сети от склона до склона и стали под ними устраиваться. Понятно, на всех не хватало, лишь для кухонь, раненых и телег, но маскировались как могли. Я указал, где копать позицию для пушки, это на всякий случай, и для обоих максимов – позиции потом замаскируют.

Уже рассвело, так что, позвав Шаблина с десятком бойцов и оставив старшим Овечкина, мы отошли на три километра, к броду. Я ещё прошлой ночью, пролетая недалеко, видел там у реки ночной бой. Трассеры только и летали, что-то горело. А этой ночью, иногда отходя от бойцов, достал один кофр с дроном. Разведывательным. Проверил, как работает ретранслятор. С ним дрон способен улетать на тысячу километров и будет на связи, без ретранслятора – порог шестьдесят километров. Вот на шестьдесят и гонял, и у брода полетал. Ночная опция камеры позволяла всё отлично видеть. Наш маршрут был безопасным, я его высмотрел и рассчитал на все эти шестьдесят километров. Даже стоянка, куда мы добрались и стали обустраиваться, была подобрана заранее. Кстати, предельная высота для дрона – это пятнадцать с половиной километров.

Поэтому я привёл бойцов к оврагу, где грудой были свалены люди в советской военной форме. Немало было и в гражданском. Дети тоже. Шаблин, осмотревшись диким взглядом, воскликнул:

– Это же наши!

– Так и есть, пограничники, что от нас на хуторе отделились. Отсюда тело батальонного комиссара вижу. Прошлой ночью они к броду вышли, а там засада. Вон, в полукилометре, где два наших подбитых танка стоят. Немцы и сейчас там. Все броды и переправы перекрыты, и встречают пулемётным огнём в упор. Ставлю вам задачу осмотреть все тела и зафиксировать факт зверств немцев. Вот тетрадь и фотоаппарат, есть запасная плёнка. Как закончите, жду на месте днёвки. Только немцев не приведите, они ещё в засаде.

Оставив бойцов НКВД работать – те лица платками или запасными портянками заматывали, вонь стояла от такой жары, – я вернулся к месту днёвки. Там узнал, как у медиков дела – пока все живы, дорогу раненые нормально перенесли. Дальше к Овечкину вышел и сообщил, что нужно тут через речку переправиться. Знаю, что глубоко и топко, вплавь. Верёвки есть, по дну телеги лошадьми отбуксируем. Тот стал чесать затылок – задача поставлена. Вечером, после того как проснёмся, приступим к переправе, а пока стоит подготовиться.

Я дрон полчаса гонял, искал, где можно посуху речку пройти. Нет, всё перекрыто, нашлось только одно место, но крюк в сорок километров. Проще тут. Плоты для оружия сделаем, тем более подготовились. Шофёры тот французский грузовик разобрали. Сняли колёса и запасные камеры вытащили, они в одной из телег лежали, там же и качок, так что есть что для плота использовать. Пять бойцов из хозвзвода уже решали поставленную задачу. Потом – отбой.

Бойцы поужинали и спали, помощники повара котлы отмывали, свежей водой заливали, когда Шаблин и его люди вернулись. Причём не одни, с ними два лётчика с бомбардировщика, который два дня уже как сбили. Голодные. На еду, что им дали, с жадностью накинулись. А шаблинские бойцы ели с неохотой после того, что видели, и неудивительно. Чуть позже все разошлись, а Шаблин доложил:

– Не все там, Карповского нет и бойцов двадцать. Видимо, смогли уйти. Жену Карповского нашли и сына. Помните, они с ним были? Мы их похоронили. Там почти тысяча тел, около двух сотен гражданских. Даже генерала нашли, с общевойсковыми эмблемами, не знаю его, генерал-майор. Фото сделали, может, кто из наших опознает? Мы видели, как от брода битую технику оттаскивают, чтобы других не вспугнуть. Лётчики сами на наших вышли, когда они могилу копали, случайно, вот и забрали.

– Добро. Отдыхайте пока.

День прошёл спокойно, люди тихо себя вели, зная, что в трёх километрах немцы сидят и ждут, когда кто ещё к ним в ловушку попадет. Рассказ бойцов о полном овраге тел произвёл впечатление. Как проснулись, позавтракали, всё готово было – и началась переправа, за час до заката. В основном люди раненых переправляли и, устраиваясь на той стороне, ожидали остальных. Последними шли кухни и телеги с пушкой. А я, оставив командовать Шаблина, переплыл и пробежался до засады.

Станнер отлично поработал, всех усыпил. Немцев оказалось на удивление немного, около взвода, при одной противотанковой пушке, пяти пулемётах и двух ротных миномётах. Сделал пентаграмму, призвал ментального демона, и тот переделал иллюзию. Синяки начнут желтеть и через шесть дней сойдут. Они уже жёлтыми стали.

Отпустил этого демона, затёр пентаграмму и в другом месте стал делать вторую, вызвав демона-воришку. Тот снова только четыре раза смог заказы выполнить. Заказал нейросеть со встроенным Даром мага модели «Маг-6М» двенадцатого поколения, с авариным установщиком сети. Пять душ ушло на оплату. Но это на перспективу. Пока у меня блокиратор стоит, нейросеть нет смысла ставить, он не даст опции работать.

У меня освободилось семьдесят килограмм – пришлось выдать дополнительные припасы, а то часть намочили при переправе, – так что есть куда убирать. Да и сеть с установщиком весит всего два кило, и то основной вес на одноразовом установщике.

Второй заказ – на новый ноутбук с советской и российской музыкой и динамики (вспомнил-таки их название). Другой ноут – с фильмами. А чтобы скуку развеять. Это сейчас присесть времени нет, а позже всякое будет, да и под наблюдением я постоянно, где найду нужные часы, чтобы немцев в жертву принести? Кому расскажешь – за психа примут.

Ладно, второй заказ выполнен. Третий – это модель комбинезона десантника со встроенным бронежилетом и аптечкой. Ботинки в комплекте. На Северном полюсе в нём можно находиться. Зимой под формой буду носить.

Четвёртый заказ – безуровневый амулет защиты для простого человека, без привязки, с отводом глаз на нём да с полным зарядом накопителя. Сразу надел и активировал. В общем, все немцы ушли в жертвы.

Тела старым способом сжёг и побежал обратно. Трофеи мелкие были: часы, пистолеты, бинокль – мощный, потому и взял. И всё. А фотоаппарат, который мне уже вернули, – это трофей с тех велосипедистов.

На стоянке уже собирались, и я повёл своих людей дальше. Дрон в небе, ему заряда на пару месяцев хватит, так что прокладывал маршрут, и шли по нему. Не плутали. Тут с дорогами куда лучше было, часто выходили. Я видел, где безопасно. Отмахали за ночь аж сорок километров – это немало. Если учесть, что до дивизии от Бреста триста было, четверть пути прошли.

Да, приметил ещё брошенных лошадей. Присоединили три телеги, людей освободили от груза, многие вздохнули с облегчением. Также на третью ночь встретили санитарный обоз из двадцати телег, с ранеными. На пятую ночь устроили засаду и уничтожили тыловую автоколонну обеспечения. А то патроны есть, гранаты, а без славных дел идём. Когда выйдем к своим, нас не поймут.

Потом бежали, нагоняя телеги обоза, но ничего, никто не потерялся. Да и без потерь обошлось, уничтожили двадцать два грузовика, потом сожгли их – и дёру. Второй случай: подобрались к стоявшей на отдыхе пехотной роте (я часовых лично снял), закидали ручными гранатами и из автоматов, пулемётчики прикрывали. Выживших не было. Правда, и у нас двое убитых, пять раненых. Зато как бойцы плечи расправили! Всё же дело делаем, не прячемся, бьём врага. На остановках зазвенели весёлые голоса, смех стал слышаться.

Потом ещё налёт на гаубичную батарею – тяжёлые гаубицы. Подобрались – и автоматами в упор, да и пулемётами расчёты посекли. Те как раз огонь вели, ночная заявка, нас не слышали. Орудия взорвали. И я провёл бойцов в наш тыл. Уже за Слуцком. Причём ни немцы, ни наши об этом не узнали. А тут оборона не сплошная, очаговая, её, считай, почти не было. Вот незаметно, в ночь с первого на второе июля и вывел, точно на штаб дивизии. Хорошо, без стрельбы опознались, и дальше шум, суета – нас принимали. Бойцов – спать, раненых и медиков – в медсанбат. В общем, под охраной мы спали.

А утром меня вызвали к командиру дивизии, генерал-майору Лазаренко. Я рапорты уже написал, за время пути успел, тут же устно и кратко доложился. Документы мои у комдива уже были. Тут он и сообщил, что, оказывается, знал о нашей группе. У соседей вышел капитан Карповский, вернее, его раненого вынесли бойцы, тот и доложил. Подтвердил, что я отказался выполнять приказы батальонного комиссара, губить людей не хотел. Оттуда и до генерала дошло.

И вот на двое суток завертелась карусель проверок, причём мы были в окружении и чудом, но с потерями вырвались из него. У меня как раз синяки сошли. Иллюзия всё. Всё-таки вызывал я подозрения, и работали со мной двое сотрудников Особого отдела дивизии. Начальник их работал по данным об убитых гражданских и военнослужащих в том овраге, тем более фотодокументальное подтверждение было.

Шаблина – сразу в тыл. Бойцов конвойного батальона тоже с ним в тыл отправили, всех лишних тоже. Остались наши бойцы, которых вливали пополнением в дивизию, как я после узнал. А что по мне, то я по десятому разу одно и то же описывал. В общем, не стали раздувать дело, хотя и покорили, и направили в Сорок Четвёртый стрелковый полк. Оказалось, тот не весь в крепости был, часть вывели и сохранили подразделение. А направили в первый батальон второй роты командовать первым взводом. О как. А куда ещё контуженного и беспамятного?

Причём командир роты – младший лейтенант, из старослужащих, что школу младших лейтенантов закончил, тридцать лет. Да мне пофиг. За пушку и пулемёты меня поблагодарили, их нехватка уже ощущалась, за спасённых врачей и бойцов тоже. И сунули сюда. Прощай, жизнь свободная. К слову, в нашей роте из тех, кого я вывел, ни одного не было, их в третий батальон, который с нуля формировали.

Да ладно, представили ротному, а тот уже меня бойцам взвода. Сама рота окапывалась на песчаном берегу речки – снова отошли в глубокий тыл. Теперь в документах у меня стоят записи, что я уже числюсь за дивизией, и это хорошо. А вот с бойцами не особо хорошо. Всего восемнадцать бойцов плюс десять недавнего пополнения, и эти десять ранее не служили. Их, тридцатилетних мужиков, призвали, взяли присягу – и сразу к нам. Они винтовку впервые в руках держат, ничего не знают.

Было уже пятое июля, наша дивизия сутки как во втором эшелоне окапывается, а я, построив бойцов, осмотрел их и спросил:

– Фёдоров, ты у нас из старослужащих?

Об этом ротный мне сказал, я всего час назад в полк прибыл от особистов. Причём в полном порядке. Пусть форма старая, шитая, но стираная и чистая. У фуражки околышек треснут, зато бинокль, планшетка, немецкая фляжка на ремне, за спиной вещмешок с личными вещами. На ремне ещё чехлы с магазинами и на боку – ППД-34 с рожковым магазином.

– Второй год служу, товарищ лейтенант.

Во взводе всего два сержанта – командир первого отделения, он же мой зам, и командир второго. Поэтому, прикинув всё, я сказал:

– Значит так. Эти десять бойцов – в третье отделение, которым я тебя и ставлю командовать. Получишь младшего сержанта. Пока же в тыл их и с нуля – шагистика, изучение оружия, учебное метание гранат, изучение устава. Ты знаешь, что сделать, напишешь расписание обучения, представишь мне. А пока займёмся позициями.

Фёдорову я всё же выбил в штабе батальона треугольники сержанта, сам из своих запасов их и выдал. Тот отвёл неумех в тыл на сто метров, и те там копали окопы второй линии обороны, заодно проводя тренировки. Ну и дал задание им выкопать капонир для противотанкового орудия, замаскировав его, а также для станкового пулемёта. Просто для пополнения опыта. Думаю, мы тут немцев встречать не будем, раньше приказ отдадут на отход.

А пока шла учёба, иногда приходило пополнение. Мне ещё пятерых дали. И два ручных пулемёта, а то один на взвод был. Теперь в каждом отделении имелся. Неплохо. Часто с ротным общались, тот приходил, с удовольствием в землянке в два наката посидел – это моя, бойцы выкопали. Тут укрываться будем во время обстрела, а так спят в окопах – у меня не ячейки, а полнопрофильные окопы.

В общем, так всё и шло до восьмого июля. Мы стояли на пополнении и доукомплектовании у города Пропойск. В дивизии было четыре тысячи бойцов и командиров, часть без обмундирования, даже у меня шестеро таких. Троим выдал из своих запасов, остальным не по размеру, глаза мозолят. Сама дивизия, по сути, в неглубоком тылу стояла, артиллерийские снаряды не долетали. Дальность около ста километров до передовой – велика, а самолёты бомбили.

Как раз к обеду восьмого июля и был налёт шести бомбардировщиков, вроде юнкерсы. Это не штурмовики с неубирающимися шасси, те я видел, мимо летели, но нас не бомбили. А

эти с высоты километра, внаглую, именно на нашу роту. Окоп, оборудованный для зенитного пулемёта, у меня был, плетнём стенки укреплены. Я мигом туда, достал готовый к бою пулемёт. За это время я всё оружие подготовил, включая зенитки, и под руку взял всю электронику из других миров – успел, а тут бомбёжка.

Под первые разрывы бомб, прицеливаясь, стал бить короткими очередями. Зенитку трясло, тренога не закреплена. Те, что стоят в кузовах машин, – там жёсткое крепление. Но ничего, сбил я второй бомбардировщик в строю, тот лёг на крыло – и камнем вниз. Видимо, лётчика убил, не дымил. Грохнуло за спиной, на окраине города, а я дальше бил – глазомер-то исключительный. И ещё один, пятый в строю задымил – и вдруг вниз. От него отделились два комочка – распустились парашюты.

А я и дальше короткими очередями садил. Шестой самолёт потянулся за своими с дымом. Я же быстро убрал пулемёт, всё равно ленту расстрелял, и хотел вернуться в землянку, а меня бойцы с радостью окружили – видели, кто стрелял, – подхватили и качать на руках стали. Не первый раз под бомбёжками, знали, что это такое. В общем, еле отбился, как раз ещё дымящуюся воронку изучал, пять метров левее – и хана землянке. Тут прибежали командиры, не только батальона, но и полка. Командир полка тот, что вместо майора Гаврилова его принял.

– Кто немцев сбил?

– Лейтенант Павлов, – козырнул я. – Командир первого взвода второй роты первого батальона. Стрелял лично.

– Откуда пулемёт?

– Сам удивился, товарищ майор. Смотрю – стоит, без расчёта, и немцы летят, я и воспользовался.

– И где зенитка?

– Сам удивлён, обернулся – и нет. Пропала.

– Ты мне что крутишь тут? Откуда этот пулемёт взялся? – поворошив носком сапога гильзы от ДШК, спросил тот.

– Не могу знать. Чудо.

– Чудо у нас здесь одно, на фамилию Павлов отзывается. И окоп зенитный тоже выкопали неизвестные?

– Нет, это мой приказ. Ну а вдруг? И видите, появился. Главное – верить.

– Обыскать тут всё. Здесь где-то пулемёт.

Пока командиры и бойцы обыскивали всё, особенно мою землянку, майор спросил:

– Как служба, лейтенант?

– Да неплохо. Тренируем бойцов, учебные стрельбы один раз провели. Обучаемся фортификации. Строем вожу, не служившие прибыли, обучать приходится. Хорошо, уже третий день на одном месте, обустроились, бросать всё не хочется.

– Думаешь, бросим?

– Да как всегда, глубокий прорыв немцев – и в окружении. Любят они это дело.

Майор осмотрел меня – а что, опрятен, всё отстирано и отмыто, белый подворотничок, есть стёжка на френче и галифе, но это присмотреться надо. Форма всё та же, старая. Сапоги тоже, просохли давно, ношу вот. Сам я вполне свежий, час назад купался в речке, где мы на берегу оборону строим, метров двадцать всего, по пояс, но окунуться можно. Точнее, даже дивизия оборону не строит, она в тылу на переформировании, это наша работа. Просто новичков гоняем, а особой обороны тут нет. Поэтому мы в окопах бомбёжку пережидаем, остальные – кто где, если противовоздушные щели выкопать не догадались.

– Лейтенант, ты знаешь, что тебе медаль полагается за сбитые, а то и орден?

– Догадываюсь.

– Не будет пулемёта – не будет награды.

– Это шантаж.

– А куда деваться?! – взорвался майор. – В полку ни одной зенитки, немцы летают как у себя дома. А про тебя Овечкин говорил, можешь всё достать, даже в тылу у немцев.

Я задумался. Вообще, это не мои проблемы. Пусть снабженцы шевелятся, их работа. Но честно заслуженную награду хочется. Конечно, если бы я захотел получить, давно бы получил. Вон, упёр важного пленного у немцев – самый логичный повод получить награду. Но я не хочу выделяться, а тут раз – двух сбил и одного подбил, пусть и улетел. Если можно что-то получить, то почему бы и нет? Поэтому, покосившись на майора, сказал:

– Будет вам зенитный пулемёт, как награду получу. Я тоже условия ставить умею.

– Вот и отлично. У комдива есть несколько медалей, сегодня и получишь, я похлопочу.

– Интересная у нас дивизия: генерала три дня как сняли, сразу после выхода из окружения отправив на другую должность, а в дивизии об этом только сегодня узнали. Кто комдив-то?

– Пока не назначали, исполняющий обязанности полковник Козырь. А генерала ещё второго сняли, когда вы вышли к нам.

– Скажите, товарищ майор, а где те полевые трофейные кухни, что я привёл?

– Были потеряны во время окружения.

– Бросили, значит. А пушка? Сорокапятка?

– Там же.

– И какой смысл вам ещё что-то давать? Вы не цените такие дары.

– Ты не наглей, лейтенант. Мой полк тут ни при чём. Одна кухня в штаб дивизии ушла, вторая в медсанбат, а куда пушка – я и сам не знаю. Оба максима у меня, так и до сих пор в пулемётной роте.

– Ну да, ну да. А мы тут без кухни выживаем. Хорошо, у меня котёл десятилитровый есть и среди призывников один повар из городской столовой, готовим на весь взвод. Другие – кто как, каждый сам в котелке себе готовит или скидываются подряд на отделение или взвод.

– Да это у всех так.

Мы спокойно общались. Поиски ничего не дали, но все ждали комдива. Тот уже сообщил, что будет, правда, приехал через два часа. Оказывается, отчитывался о сбитых его дивизией наверх. В общем, наградил меня медалью «За отвагу». Про пулемёт спросил, но комполка так завернул разговор, что тот и забыл о нём, а через час прибыли зенитчики от комполка и забрали ДШК, что снова стоял в окопе. Уговор есть уговор.

Правда, пулемет в нагаре, ещё горячий и с пустой лентой, но мы его состояние не обговаривали. Книжицу наградную получил – всё оформили как полагается. Вообще, за сбитые и орден могли дать, но тут на самом деле лучше получить то, что есть, чем ждать обещанного три года, поэтому я не в претензии. Да и у меня ещё такой пулемёт есть.

Командиры давно отбыли, в моей землянке только из батальона и роты люди остались. Подошли вечером, отметили, я вино немецкое выставил – понравилось. Шнапса две бутылки – пили, но морщились: водка лучше. Закуска хороша, из трофеев. Оценили. В общем, неплохо обмыли награду. Вот только именно на эту ночь я готовился к снятию блокировки. Дрона гонял, видел, где концентрация войск противника, там и собирался поработать.

Самолёт готов, второй в запасе, я его еще не использовал, только обслужил и заправил. Ротный на моей койке спит. Я сказал бойцам, что по бабам – те только похмыкали, с наградой-то давно поздравили, – и убежал. Ещё вчера отметил место, где можно взлететь, не привлекая внимания, что и сделал. Правда, перед этим в форму немецкого солдата переоделся. Кстати, убрал алкогольное отравление аптечкой, пил ведь со всеми наравне. Прицепил аптечку к боку, она пострекотала, уколов несколько раз, – и стал в порядке.

Посадку я совершил в тылу массы войск, у дороги. Похоже, тут целый полк встал на ночёвку. Дрон сообщил, около трёх тысяч солдат было. Дрон же напичкан мощной электроникой, он и мины в земле видит, каждую железку, так что точно мог сообщить сколько.

Сблизившись, я побегал и облучил всех станнером. Ну, почти всех. Дальше, в центре сонного лагеря час писал на земле пентаграмму. Вызвал ментального демона, использовав десять солдат в качестве жертв. Пятнадцать минут он теперь будет тут, а чуть позже подзаряжу пентаграмму. Так что, хватая вблизи тела, я закидывал их в пентаграмму, а демон выплёвывал наружу мумии. Ведь это я вызвал демона в свой мир, и сам выйти тот не мог.

На первой сотне я едва волочил ноги, но продлил работу пентаграммы, заодно одной душой оплатил исцеление – оно неполное, но придало сил. Пригнав мотоцикл с коляской, я стал возить на нём по пять-шесть тел, закидывая к демону. Тех, кто просыпался на шум, глушил станнером.

Только под самое утро демон наконец подтвердил: оплата получена, тысяча душ. Ну я и снял блокировку. Не сразу, работа сложная, десять минут. Потом за одну душу я велел показать иллюзию моей теперешней ауры. Отлично, нет блокировки, и аура в порядке. Вернув демона в свой мир, я второпях облил кучи тел-мумий бензином и поджёг. Добежав до работающего мотором «Шторьха», сразу взлетел. Передовую ещё в темноте миновал, сзади зарево пожаров было, а вот до своих…

В общем, рассвело. Последние двадцать километров летел при свете раннего утра. Сел без свидетелей, нормально, переоделся в своё и пробежался. Тут меня в километре от позиций взвода и задержал патруль. Я, как и все бойцы, не имел права покидать расположение без разрешения, которого у меня, естественно, не было. Даже то, что награду вчера получил – мол, обмывал, заблудился, возвращаюсь, – не помогло. Отвели в комендатуру города. От меня ещё запашок алкоголя был, да и потом несло, хотя побегать немало пришлось, и военюрист постановил: двое суток ареста. Не понравился ему мой непотребный и встрёпанный вид.

Да по фигу, я так вымотался – сейчас упаду и усну. А химию стимуляторов использовать не хотелось. Так что отвели меня на гауптвахту для командиров. Там на нарах ещё двое, оба старшие лейтенанты – интенданты, похоже. Не помню я, как их там звания? Надо будет книжицу посмотреть. Отмахнувшись и сообщив, что не курю, я лёг на нары и почти сразу уснул. А проснулся оттого, что меня душили. Без шуток, из-за недостатка кислорода уже терял сознание. Душили, зажав рот и нос. Кто-то ещё руки и ноги держал.

Тут доли секунды остались, пока я не потеряю сознание, поэтому отреагировал так, как мог в этой ситуации. Того, что навалился на лицо и руки, я убрал в хранилище, что означало мгновенную смерть – оно не принимало живых. Жадно дыша, сел и резким ударом кулака почти вырубил второго, который ноги держал. Он поплыл. Это оказался тот старлей-интендант, значит, в хранилище я второго убрал.

Выдернув ногу, я с силой врезал старлею по лицу подошвой сапога, отчего тот отлетел и сполз по дощатой стенке. Достав первого из хранилища, уложил у стены и перочинным ножом (это мой, трофейный) нанёс ему два удара в грудь, в район сердца. Потом протёр платком рукоятку и вложил в руку второму, пока он без сознания. Сжал пару раз, оставляя отпечатки. Из разбитого носа старлея текла кровь, капая на форму. Ну и застучал в дверь.

Почему эти двое решили меня убить – а в их действиях и капли шутки не было, – не знаю. Может, на немцев работают? Как-то другого ответа нет. Действовал я быстро, уже отдышался, мозги работали, и когда открылось окошко в двери, сообщил охраннику:

– Тут командиры подрались. Разбудили меня, пока возились. Кажется, оба пострадали, врач нужен.

Дверца захлопнулась, а я вернулся на нары и, несмотря на бурливший в крови коктейль из адреналина и химии, которая убирала алкоголь, вскоре снова уснул, хотя слышал, как щёлкнул замок. И тут же провалился в глубокий сон.

И да, находились мы не в полноценной камере гауптвахты, а в землянке. У меня вопрос: они эту дверь с окошком с собой возят и ставят в каждой новой землянке? Дверь просто не новая, в отличие от самого помещения. Впрочем, долго поспать мне, видимо, не дали, разбу-

дили. Один из следователей комендатуры меня опросил, взял письменные показания и оставил в покое. Никто раньше выданных двух суток отпускать меня и не думал, а я дальше спать.

Разбудили, когда наступил обед. Ничего, поел, но тут меня дернули к военюристу. Тому самому, что и дал двое суток. Тот сообщил, что ещё рано утром, как меня взяли, сообщили в дивизию, где я, поэтому дезертиром я не числюсь и меня не ищут – знают, что через двое суток вернусь. После этого стал вести повторный опрос о случившемся в землянке.

– Знаете, ваши показания не сходятся со словами выжившего сидельца. Он уже очнулся и во всем признался. Мы их взяли во время пьяной ссоры у привокзального буфета, подрались с командировочным командиром, да и вели себя подозрительно. А сейчас при допросе даже без нажима выживший признался, что они вражеские агенты и ехали в Москву по заданию. Они курьеры, если проще. Остальное для вас не важно, важно то, что оба агента решили вас убить, узнав, что это вы сбили два немецких самолёта. По награде, что у вас осталась. Об этом известно уже всему городу. Навалились и стали душить. А вы с ними справились. Что вы ответите на это, гражданин Павлов?

– Ничего. Ничего нового я не скажу, гражданин военюрист. Они дрались, в драке навалились на нары и разбудили меня. Дальше вы знаете.

– Странно. Агент ничего не скрывает. Даже то, что второй – чистокровный немец, и его брат служит в люфтваффе, потому он и решил так поступить. Это у них в крови алкоголь играл. Два идиота. На задании, а выпивали. Второй – из наших предателей, бывший батарейный старшина, служил в Киевском военном округе. На третий день с начала войны попал в плен и согласился сотрудничать. Что с ним будет, решит суд, а вот кто из вас говорит правду, я уверен на сто процентов. Вы продолжите настаивать на своей версии?

– Другого вы не услышите. И вообще, гражданин начальник, вы кому верите: какому-то предателю или своему командиру?

– Мне обязательно отвечать на этот вопрос?

– А я ещё удивлён, чего это мы отступаем! Пока столько предателей, что защищают немецких шпионов у нас в тылу, победы точно ждать не стоит.

Ох и разозлился военюрист и сообщил, что я задержан по подозрению в убийстве сокамерника. Дичь полная, но тот был на полном серьёзе.

– Гражданин вражеский агент, а то, что я лично больше сотни немцев убил, мне за это что, вышка? К стенке поставите? Ай-яй-яй, как же вы грубо работаете! Так советские органы вас и вычислить могут. Или вы собираетесь к своим сбежать и хотите успеть как можно больше бед натворить? Да, это я понимаю.

Вот теперь тот был взбешён и приказал конвоиру отвести меня обратно. Да ничего, кормили, я по книге и колоде карт учился фокусам, всё равно делать нечего. Нейросеть не поставишь, хотя уже можно, тут шесть часов нужно, чтобы меня не трогали. А как? Камера не пустовала, всегда один-два командира из задержанных патрулями, но было. Причём, я думаю, пару раз были подсадные. А те просились в туалет, и после них обыск. Вопросы задавали. Куда книгу дел и карты? Ну, книга на немецком языке, нашёл в ранце одного унтера, он из взвода велосипедистов, как и пять новых колод карт. Там немецкий фокусник раскрывал секреты и обучал.

Кстати, отличная книга, за следующие пять дней я ее изучил от и до. Три фокуса отработал до автоматизма, чтобы держать покерфейс и ловкими пальцами проводить такие манипуляции. Впрочем, получается. Однако настораживала артиллерийская канонада, что заметно приблизилась к городу. Опять прорвались. Неудивительно, если вспомнить, сколько войск, особенно моторизованных, скопилось у того места, где я блокировку с ауры снимал.

Впрочем, пофиг. Землянка глубокая, боится только прямого попадания авиабомбы или тяжёлого артиллерийского снаряда, хотя сирены воздушной тревоги звучали не раз за последние три дня. А более лёгкие ей не страшны, накат выдержит.

Однако утром, ранним утром пятнадцатого июля, конвойный, бледный и какой-то испуганный, вывел всех из землянки – а нас там трое, вчера двоих ещё привели – и сопроводил в комендатуру. Как выяснилось, землянка располагалась на заднем дворе здания, отданного под комендатуру, так что тут двадцать шагов – и прошли в коридор. А там у дежурного быстро получили документы, справку об освобождении, что на гауптвахте были, ремни с оружием – и велели расходится. Мол, немцы у города.

Прежде чем покинуть здание, я убрал в нагрудный карман френча удостоверение, застегнул ремень, перекинул портупею через плечо и проверил пистолет, при этом недобро глянув на военюриста. Тот у лестницы на второй этаж стоял и взгляд отвёл, скотина.

Ничего, планета квадратная, встретимся за ближайшим углом. Пуля для него у меня припасена. К слову, без всяких шуток говорю. Я собираюсь его пристрелить. Когда на меня не подумают. Он точно на немцев работает, я в этом уверен. Хотя пристрелить – это слишком лёгкая смерть, хотелось бы сказать – отправить душу демону на вечные муки. Но души тем нужны как батарейки, это даже лучше, чем просто убить.

Комендатура срочно эвакуировалась, в грузовик вещи и документацию грузили. Вот и от сидельцев избавились. Надо бы машину сжечь, наверняка там и на меня дело есть. А то доберутся до тылов и возбудят по вновь открывшимся обстоятельствам.

Отбежав от здания комендатуры, я сменил фуражку на каску, на ремень подвесил полную фляжку воды и чехлы с тремя запасными магазинами к ППД, на бок планшетку и гранатную сумку, на грудь бинокль, за спину вещмешок. А я ничего в землянке ценного не держал, всё при себе, в хранилище. И вот так рванул к своему взводу, надеюсь, тот на месте.

Бежал, придерживая автомат, висевший поперёк груди. Сначала в штаб полка, тот на месте. Меня отругали, но справку из комендатуры взяли. И велели к взводу оправляться. А в землянке ротный расположился, живёт тут уже какой день, присвоил. Вот гад. Причём ротный новый. Прошлый три дня назад был тяжело ранен во время бомбёжки. Знакомые бойцы сообщили. Крупный осколок начисто срезал ему руку выше локтя.

Сейчас старший лейтенант Маркелов был, из недавних мобилизованных, бывший учитель математики в Горьком. Обрадовался, что я появился, а то вроде он один средний командир. Про меня в курсе, отправил к своему взводу. А тот не на старых позициях, хорошо подготовленных – согнали. А до новых метров двести. Я за это заехал кулаком в зубы командиру третьего взвода, старшему сержанту, чтобы помнил и не прыгал выше, чем может.

Пока узнавал, как во взводе дела, мне представили четырех новых бойцов. Сообщили, что ещё трое погибли – прямое попадание бомбы – и пятеро отправлены в медсанбат. Что по немцам, то я знал каждый их шаг, дрон-то на семи тысячах метрах всё время. Доставал планшет в камере и поглядывал. Кстати, новое задание дрону я уже дал. Отметил у него в компе полуторку и эмку, куда погрузился тот военюрист, будет отслеживать, а ночью я их нагоню воздухом и навещу. Грузовик с личными делами сожгу, военюриста пристрелю. Всё должно быть чисто сделано. Да просто дело принципа. Уж очень сильно я его невзлюбил. Впрочем, это было взаимно, иначе в камере бы не сидел.

Я осмотрел позиции взвода. Бойцы неплохо зарылись, есть даже орудийный капонир для противотанковой пушки. Это Фёдоров продолжал командовать третьим отделением с новичками и гонял их. Правда, те немного не по нормативам укрепление сделали – глубокое, сорокапятка если и встанет, то ствол будет упираться в бруствер, а вот пушка в пятьдесят семь миллиметров встанет хорошо. Да как под неё сделано. Даже для сошек выемки.

Причём изучал я позиции под миномётным обстрелом. Немцы вчера подошли и встали у города, и, пока мы просыпались, завтракали, миномётчики обрабатывали нас. А чтобы не расслаблялись. Похоже, штурм готовится. Я видел, сколько немцев, и знаю, что тут только наша дивизия. Второго штурма не понадобится. Дивизия плохо вооружена, противотанковых пушек почти что и нет. Сразу собьют её, и та побежит. А сзади город с крупным железнодорожным

узлом, там дымило сильно, причём один дым смещался. Видимо, паровоз куда-то спешно тянул состав.

Бойцы прятались, я подходил по переходам, опрашивал и шёл дальше. Имелась и зенитная позиция, окоп в двадцати метрах за позициями взвода. Правда, перехода туда не было, поленились бойцы рыть. Лентяи. Получат у меня за это. Пообщался со всеми сержантами – они, к счастью, пять дней моего отсутствия вполне пережили – и, успокоив их (будем немцев бить), сам стал готовиться.

Кстати, была и плохая новость. Помните тот котёл на десять литров? В нём готовили завтраки, обеды и ужины на весь взвод. Нет больше котла. Осколок пробил две стенки, там теперь и чаю не вскипятить, не больше пары литров держит. Поэтому всухомятку питались или сами готовили на костерках. Вот и сейчас на завтрак принесли по ржавой селёдке и два сухаря. Чая или чего-то подобного не было. Мол, всё сами.

Я себе выбрал место. Тут теперь взводный командный пункт стал, не состоявшаяся пулемётная позиция, станкового пулемёта-то нет. Так что согнал молодого бойца – мол, ищи другое место – и обустроился. Артиллерийский капонир рядом, добежать несложно, там дальше встречу немцев.

На нашем направлении, как показал дрон, было шесть танков, два бронетранспортёра и батальон пехоты. Перед нами речка, но это не препятствие, тут везде вброд можно перейти, и дно песчаное. С ходу преодолеют речку. Вот такие дела.

По завтраку. Его ротный старшина лично разносил в корзине, минут через пятнадцать, как я прибыл. Быстро поздоровался и, раздав, ушёл. Мне, помимо двух сухарей и селёдки, выдал кусок колбасы. Старая подсохшая полу-копчёная. Как ни странно, всё вкусно было. Правда, сухари я на свой хлеб заменил, помните те двадцать буханок? Теперь восемнадцать осталось. А селёдка неплоха оказалась. Слабосолёная и жирная. С удовольствием съел. Какао попил из своих запасов. Мы едва поесть успели, как началось.

Миномёты продолжали работать, мне один раз чуть завтрак не испортили, накидав поднятого вверх песка, а тут уже подали голос другие – средние и тяжёлые артиллерийские системы заговорили. По нам редко били: пяток мощных песчаных фонтанов подняло да пару в речке, даже до меня водяная взвесь долетела, и всё. В основном правее работали, ближе к городу. Дрон висел на месте и показывал всё, что происходило, поэтому я пока орудие не доставал. Немцы выходили на исходные позиции, но пока ожидали окончания артподготовки. Авиации не было, и это хорошо.

Да, дрон интересную картинку показывал, дальность позволяла. Километрах в семи за городом, на дороге, была остановлена автоколонна, шесть машин, среди них и из комендатуры. Их расстреливали из трёх пулемётов. Мелкие моторизованные группы немцев уже просочились в наш тыл, вот и тут к дороге вышли три тяжёлых мотоцикла с колясками и пулемётами. Встали в засаду и встретили колонну как надо. В сторону посадки убежали четверо, ещё двое сдались.

Я приблизил картинку – у перекошенной в кювете эмки лежало и тело военюриста. Жаль, грузовик с личными делами цел, немцы там изучают, ценное собирают. Если буду там отходить с бойцами, которые этот день переживут, сожгу.

Немцев не заинтересовал тот грузовик. Изучили мешки с папками, несколько бросили на землю, пристрелили тех двух сдавшихся – а куда их девать? – и укатили. А немцев этих я решил убить, несмотря на чувство благодарности. Пометил их в компе дрона, чтобы найти и уничтожить.

Они дальше на дороге санитарный обоз нашей дивизии догнали. Там никто не сопротивлялся, оружие сдали, три винтовки и пистолет старшего обоза, дали осмотреть повозки, семь штук. А они убили всех раненых, пожилых возниц тоже. С двумя девчатами-медсёстрами повеселились и, их потом убив, укатили. И ведь не СС, обычный вермахт. Просто чувствовали

себя победителями и ощущали вседозволенность. Вот и творили что хотели. Нет, я их души демону продам. Да, решено. А пока готовимся к бою.

Танки и пехота двинули, и артиллеристы стали снижать темп стрельбы, хотя миномётчики как раз нет. Хм, камера дрона показала уже массовое бегство бойцов нашей дивизии. Не выдержали обстрела. Похоже, тут и оборону держать некому. И штаб дивизии уходил, полка нашего тоже, горели машины и повозки. На своих двоих драпали. Ну, у нас в дивизии не все такие.

Всех бойцов тут полуоглушило, это мне с магической защитой хоть бы хны, поэтому, пробежав по ходу сообщения, я ткнул в спину Фёдорова и крикнул на ухо:

– Трёх бойцов в артиллерийский капонир. Быстро!

Тот кивнул, показывая, что понял, а я успел выглянуть из окопа и осмотреться. Убедившись, что все прячутся от обстрела, достал пушку и снаряды. Десять ящиков. Подбежавшие бойцы помогли раздвинуть станины, и я поставил каждого на своё место. Одного открывать затвор, второго заряжать, третьего подавать снаряды заряжающему.

– Смотри: кажу кулак – значит, бронебойный, это вот эти снаряды, пятерню – осколочный. Это вот эти. Понял?

– Да.

– Давай.

Обучив остальных, что делать, я встал к прицелу и, подкручивая маховики настройки, стал выцеливать первый танк. А тут выбора нет, все шесть одного типа, чешские тридцать пятые. Хотя нет, выбор был. Бить решил самые дальние, а не первые, чтобы следующие не укрывались за подбитыми. Впрочем, мощности снарядов хватит пробить сразу два танка. Расстояние – тысяча двести метров, для орудия вполне рабочая дистанция. Я показал кулак, и затвор сыто клацнул. После этого полуобернулся и сказал бойцам:

– Как скомандую «выстрел», закрываем уши и открываем рты, чтобы не оглохнуть. Поняли?

– Да, – вразнобой ответили те.

Бойцы были из новичков, не служившие, но за восемь дней их чуть поднакачали, подучили, поэтому я скомандовал:

– Выстрел!

Сам открыл рот, и бойцы тоже, да закрывая уши. Потянул за рычажок – и пушка подскочила, грохнув выстрелом. Танк чуть сместился, но я держал его в прицеле. Снаряд пробил низ лобовой брони и поразил двигатель, в него я, по сути, и целился. Тут точно надёжный выход бронемашины из боя, так ещё пожар может быть, а это гарантированный выход из строя. Спасёт только переплавка на металл.

Немец не вспыхнул, но экипаж полез наружу. Двое было. Медлить я не стал, сразу показал кулак, и подали следующий снаряд. Стреляная гильза, ещё дымящаяся от сгоревшего пороха, вылетела наружу, и её отпихнули в сторону. Довернув штурвалы наводки, я скомандовал:

– Выстрел!.. Выстрел!.. Выстрел!..

Второй танк вспыхнул сразу, аж столб мощного огня ударил из башенного люка. Третий снаряд поразил третий танк, но тот, покачиваясь, продолжал катиться да стрелять. Брали на испуг. Удивило. Вторым снарядом я его поразил, и тот нехотя зачадил. Только тут экипажи оставшихся трёх танков и двух бронемашин (кстати, к ним ещё пушечный броневик присоединился) поняли, что что-то не так. Победный марш уже не выглядел лёгкой прогулкой, а за танками шла пехота.

А что, тут нет линии обороны, справа и слева соседей нет. Немцы уже охватывали город, беря его в клещи. Дивизия, по сути, драпала. Однако ясно, что из ловушки, из мини-котла, вырвутся единицы. А вот штаб дивизии успевал. Поэтому тут у нас скорее видимость атаки

была, и то потому, что кто-то остался и продолжал стрелять. Из сорокапятки, как я понял. Хотя то место, где она стояла, уже перепахали. Довольно долго две батареи гаубиц работали.

Четвёртый танк я подловил точно в борт и, видимо, попал в баки, он не сразу загорелся. Тоже додумался разворачиваться на месте, подставляя борт. Два оставшихся танка пятились задом, их экипажи умнее. Вот следующим я поразил броневик – колёсный, слишком шустрый, мог удрать. Тот уже заложил пологую дугу и разгонялся, уходя в тыл. Первый снаряд вырвал ему заднее колесо, отчего броневик перевернулся, второй угодил точно в днище.

Бумкнуло с грибком взрыва. В боекомплект попал, похоже, хана экипажу. Несильный взрыв, пушечка у броневика была слабая. Потом два оставшихся танка добил, в первый самый, что не горел, два снаряда всадил, пока он не загорелся, и дальше оба бронетранспортёра поразил. И эти горят. Дальше показывал растопыренные пятерни и бил осколочными по пехоте. Та залегла, расползалась, но я их в прицел видел и поражал.

Жаль, снаряд не самый мощный, но главное, потери те несли, пока не выдержали и не побежали. Тут я зачастил выстрелами. В стороне была дорога, трасса на Бобруйск, там колонна немецких грузовиков спокойно себе шла, как будто танки их рядом не горели, в километре от трассы. Пришлось разворачивать пушку, поднимая станины, и снова прицельно бить. Правда, дальность полтора километра, однако один грузовик загорелся. Второй взорвался – груз сдетонировал. Дорога тут же очистилась.

Иногда я слышал шум и не мог понять, что это – похоже, орали. И мельком обернувшись, увидел, что окоп набит моими бойцами, тут же и два командира отделения, включая моего зама. Он наблюдал в мой бинокль, который я положил на планшетку, как горит вражеская техника, и сообщал остальным, что и вызывало вопли радости.

– Покинуть позицию! – скомандовал я. – Сейчас нас тут накроют снарядами. В землянку ротного. Быстро!

Бойцы передавали друг другу приказ (не все его расслышать могли, оглушены), и вскоре окоп был очищен, даже мой расчёт убежал, я их отпустил. Прибрав четыре полных ящика снарядов, один полупустой и орудие следом, я забрал вещи и побежал за остальными. Едва успели, и вот на месте окопа поднялись два высоких песчаных фонтана, а потом двадцать минут батарея из пяти орудий (дрон показывал, где те стоят) перемешивала наши позиции с песком.

Мы в стороне были, отметив, что и тут много бойцов, покинувших свои боевые посты. Остались самые стойкие. Да что там, у меня во взводе семеро драпанули. Я сержантам (все они живы были) сделал внушение. Маркелов сидел в землянке, ему плечо перевязывали, осколок от мины поймал. Это ещё до того, как я орудие достал, за несколько минут.

Бойцы копали позиции вокруг землянки, будем драться в окружении. Я уже сообщил, что дивизия отступает, нам поздно отходить, поэтому будем ждать темноты. И вот так собрали вокруг себя тех, кто остался, не только из нашей роты (драпануло процентов сорок личного состава), но и соседей. Чуть больше сотни человек набралось.

Из плюсов был расчёт со своим пулемётом Максима. Поставил его со стороны города, здесь от окраин метров триста. Однако немцы иногда сыпали минами, оставили один миномёт и заслоны, которые иногда давали о себе знать пулемётами, и спокойно нас обходили. Мы им не мешаем в стороне от дорог.

Так что у нас всё стихло, немцы «голос» подавали иногда; мои бойцы тоже, перемещаясь по окопам, из разных мест стреляли из ручников, чтобы показать, что мы здесь. Да немцы и так знали – оптика сверкала с чердаков дальних двухэтажных зданий, оттуда все наши позиции видно было. Обед прошёл, всё тихо, я из своих запасов выдал консервы и галеты, так что поели. Вот с водой проблемы. К речке не спустишься, а она в нескольких метрах блестит водой. Солнце жарит, как в тропиках, в тени тридцать пять, всё под прицелом. Так бойцы углубили воронку и докопались до воды, вскоре муть осела, и смогли набрать, решили проблему с питьевой водой.

Это действительно проблема, я вот запасов не делал, вино есть, напитки разные, но нет чистой питьевой воды. Косяк. Надо будет сделать запас. После обеда я как раз со всеми бойцами знакомиться закончил. Со мной Маркелов ходил, морщился, рана давала о себе знать, но ходил. А тут снайпер стал работать. Сержанта убил и Маркелова, точно в голову. Командиров выбивал, с чердака. Я принял этот вызов, снял и снайпера, и наблюдателей на крыше, а потом проредил заслоны.

У меня базы знаний боевые, для меня километр – вполне рабочая дистанция из СВТ без оптики, с оптикой и тысячу двести беру, поэтому за час немцы потеряли порядка двух десятков убитыми и ранеными.

Немцы сыпали минами до исчерпания боезапаса миномёта. После этого я дал добро. Бойцы, выбираясь из укрытий, чинили окопы, трое копали в воронке могилу для погибших, тут и сержант с ротным, и двое погибших от мин. Третья могила уже. Документы их я собрал. Впрочем, это до самой темноты всё. Немцам не до нас, они дальше уходили. Заслон оставили, чтобы мы не ушли, нами тыловые дивизии займутся.

Если сами уйдём, немцы, думаю, тоже возражать не будут. Мы им особо и не мешали – так, мелкая заноза. Поэтому и просидели спокойно до вечера, разве что к полудню к нам, где перебежками, где по-пластунски, смогли прорваться семь бойцов со старшиной. Знакомая личность, Овечкин. Мы даже обнялись, давно не виделись. А наш ротный старшина пропал. Дёру дал.

Овечкину я отдал ту же должность – командиры взводов есть. На свое место зама поставил. У нас одиннадцать раненых, но четверо ходячие. Семеро выбыли. Велел Овечкину сделать средства для их переноски – носилки то бишь. Ещё отвлекли меня разок криком. Все бросились смотреть, что увидели наблюдатели. А там, по дороге, где мы два грузовика уничтожили (обломки уже не дымили), гнали толпу пленных. Из нашей дивизии, почти тысячу человек. Это произвело гнетущее впечатление.

Новичков мы покормили, я выдал галеты и консервы – немецкие, понятно. Воды им, а то на грани обезвоживания были. У нас в колодце боец сидел, там тент натянут. Отвечал за воду. Он и заполнял котелки или фляжки, и новичкам заполнил. Так что Овечкин вошёл в курс дела и взялся за работу. Я же дал бойцам отбой, сообщив, что всю ночь будем идти, нужно выспаться, что те и делали, кроме наблюдателей – у меня их четверо – и дежурного командира. Сам я тоже вскоре отбыл ко сну.

А немцы подготовились. Как стемнело, начали осветительные ракеты в небо пускать. Может, передовым войскам и не до нас было, но отпускать всё же не хотели. Думали, подойдут дивизии охраны тыла, они нами и займутся. Однако, несмотря на это, мы всё равно ушли.

Да всё просто: я, по-пластунски в основном, добрался до заслона в поле, облучил немцев станнером и дал сигнал нашим своим фонариком. Те, выбравшись из окопов, выстроились в колонну – там Овечкин командовал – и двинули следом. Я к тому моменту добил немцев, всего десяток – охраняли станковый пулемёт, пускали ракеты, – и собрал документы. Вот так и ушли. Сделали крюк, оставив город по левое плечо, и прошли через железнодорожное полотно. Дважды. Как отошли от города, я скомандовал:

– Колонна, стой! Командиров ко мне.

Бойцы передали скороговоркой, и вскоре ко мне подбежали двенадцать командиров, все младшие, трое взводных и отдельные. Старшина тоже тут.

– Значит так, Овечкин, ведёшь колонну до посадки. Прямо идти, как раз в неё упрётесь. Повернёте вправо и пройдёте вдоль неё два километра, там будет перекрёсток. Не выходите, на немцев наткнётесь. Там стоят в поле ночным лагерем. Дозор впереди сообщит, где перекрёсток, встаньте и ждите меня. В городе остался частично наш медсанбат, постараемся выручить наших. Также в городе приметил полевую кухню, она тебе знакома. Найди мне ездового, что с

лошадью справится, он её и приведёт. Повара подбери. Я с освобождёнными вас нагоню. Это всё, можете идти.

– Снова Воронцова? А военфельдшер?

– Да, обе. И Лютова тоже там. И ещё два десятка девчат, мужчин держат отдельно. Это те, кто не сбежал.

– Ясно. А раненые?

– Не убили, что странно, выделили ночную смену, заботятся наши.

На этом мы разбежались. Боец держал меня за ремень, потому как ничего не видел, и семенил следом, а шёл я быстрым шагом. Так и добрались до окраин, проникнув внутрь. Кстати, у двух других заслонов забеспокоились, не отвечает один, ракеты не пускает, отправили проверить двух солдат. Ещё пока в пути.

То, что мне было нужно, находилось на окраине. А лошади паслись на поле. Поэтому я решил взять две повозки и кухню. Мы поймали пять лошадей, боец довольно ловко запряг попарно коней в две повозки и одного коня в кухню. Одну пару лошадей привязал к задку первой повозки, а коня с кухней к задку второй, и повёл такой вот обоз наружу.

Мне четырёх часовых пришлось снять, чтобы всё тихо прошло. Станнер рулит. Дальше ему приказал отъехать на полкилометра и ждать меня. Я его найду, вижу в темноте, так что боец покатил прочь от города, а я побежал к постройкам местной больницы, где и размещался медсанбат. Тут станнером снял часового у сарая, где девчат держали, и второго, у склада, где мужчин охраняли, тут и легкораненые из медсанбата. Освободил. Почти восемьдесят человек выходило. Причём ушли не все, волевым усилием командир медсанбата, а он был тут, военврач второго ранга, оставил минимум медиков с одним врачом, чтобы присматривали за оставшимися ранеными.

Ну, врача он не оставил, только пожилого фельдшера, надеясь, что на него рука у немцев не поднимется, да тот и сам добровольцем вызвался. Пять пожилых из санитарок взял, и всё. Немцам раненые не интересны, охрану поставили и забыли. Я потому часовых и не убил, вырубил, чтобы на раненых не отыгрались.

Тут так же построив людей колонной, повёл к повозкам. Раненых, кому тяжело идти, усадил на повозки, Воронцову к повару на облучок кухни, и дальше вёл людей, пока до роты не дошли. Вернее, до остатков нашего полка.

Овечкин принял кухню и повозки (теперь он за них отвечал), искал возниц среди бойцов, неходячих раненых – на носилки. Повар, к слову, был найден именно у медиков, он и занялся кухней, а я выделил припасов. Сделал вид, что запас был складирован тут, в небольшой посадке. Как раз на одну закладку блюд. Хорошо, что немецкий повар кухню помыл и залил в котлы свежую воду на утро. Вот повар и занялся делом, да на ходу. Тем более вышли мы не сразу, успел все нашинковать и начать готовить. А двое помощников бегали вокруг и хворост искали для топки.

Врачи осмотрели наших раненых и сообщили, что троим нужна операция. Да ещё срочная. Чем и занялись, фонарик и сумку с инструментами я выдал. Трофей. Заодно покормил освобождённых медиков и легкораненых, их в плену почти не кормили. Час простояли у посадки, пока медики не закончили, они одну повозку как операционный стол использовали. Перевязочные и другие медикаменты я тоже дал, справились.

Погрузили пулемёт Максима на одну повозку, сюда же трёх раненых и четырёх на вторую. Легкораненые шли, держась за повозки, врачи за ними присматривали. Обойдя отдыхающую немецкую часть, мы и двинули дальше.

Сбегал я к тем нашим грузовикам побитым, сжёг все дела. Своё нашёл. Полистал. Да в принципе, я и по допросам понял, что мне хотели повесить убийство. Без подробностей. А тот военюрист на принцип шёл. Ну не понравились мы друг другу, личная антипатия. Такое

бывает. Я ещё и труп его слегка попинал, не отказал себе в удовольствии, и побежал к своим, а сзади стоял столб огня над горевшей машиной.

Чуть позже, убедившись, что в ближайшие семь километров препятствий нет, оставил своих и на самолёте слетал почти на пятьдесят километров. А что вы хотели, я помнил о тех мотоциклистах. Дрон наблюдал, знаю, где те на ночёвку встали, я его вернул, только когда стемнело.

Вот так слетал и, облучив всех немцев станнером, нарисовал пентаграмму и вызвал демона-воришку. Мотоциклисты отдыхали вместе со своими, тут целый моторизованный батальон лагерем в селе встал.

Да, старшим в колонне стал легкораненый лейтенант Зубрилов, ротный до ранения. В другом полку. Командиру медсанбата и не подумал это дело поручать, хотя тот и желал показать власть. Так и сказал ему: попаду на койку раненым – я в его власти, пусть командует, а тут не его поле деятельности. Есть раненые, пусть ими и занимается. Тот подумал и возражать не стал. К слову, уводил я колонну на Москву, в ту сторону, участвовать в Смоленском сражении как-то не хочется.

В общем, я переносил тела и платил демону. Сначала оплатил зарядку амулета защиты – тот здорово помогал, если б не он, я бы погиб или ранен был бы. А так – даже контузии нет. Потом заказал амулет зарядки накопителей (семь душ ушло из девяти мотоциклистов) и амулет отвода глаз. Тоже безуровневый, для простых людей, штука нужная.

Последний, четвёртый заказ на сегодня – амулет-аква. По сути, он конденсирует влагу из воздуха и подаёт через отверстие. Это вместо запаса пресной воды. Походная неиссякаемая фляжка. Амулет до разрядки накопителя может её давать. Около тонны в час струйкой.

Едва успел вернуться, когда мои к броду подходили, а там немцы. Впрочем, я успел сесть за спиной засады, подбежать и облучить их станнером, поработать штыком, перейти на другой берег и опознаться со своими. Дальше, пока десять бойцов снимали с немцев всё целое, я сообщил Овечкину, который там командовал, что лично уничтожил засаду, и начали переправляться.

Да, обоз увеличился на три телеги – нашли брошенными. Не сами, я указал где, и вот нашли, привели. Легкораненых усадили, часть вещей сложили. Мало пока, ещё бы пяток повозок, но хоть что-то. Кстати, тут у брода противотанковая пушка была, немецкая, забрали со всем запасом снарядов. Коня нашли, как и передок. Нашлись трое артиллеристов и приняли пушку.

Дальше я не покидал роту и вёл людей уже сам в дозоре. На Рославль. Поэтому за остаток ночи от Пропойска мы ушли на тридцать километров. Очень неплохо, это с ранеными-то. С помощью дрона я высмотрел подходящее место, туда мы и свернули. Глубокий овраг, рощи и леса не годятся, там изрядно наших окруженцев бродит, балласт для меня. За время пути и пообедали, да и поужинали перед сном, после чего я дал отбой.

Сам я решил лечь не сразу. Отошёл чуть в сторону. Уже рассвело, солнце краем низа касалось горизонта, многие спали. И хотя часовые и наблюдатели бодрствовали, они всё равно не понимали, что я делаю. Поэтому я сел на склон оврага, достав из хранилища планшет, подключился к дрону (тот в автоматическом режиме наверху летал и вёл запись) и провёл осмотр, что тот видел за последнее время.

Ругнувшись (одна запись заинтересовала), я отвёл дрона к нужному селу, глянул, что там, и посмотрел на наручные часы. Пять утра. Вроде успеваю. Убрав планшет, я подошёл к дежурному командиру, который осматривал в бинокль горизонт – там что-то дымилось. Я знал, что наши танкисты попытку прорыва решили совершить два часа назад на лёгких танках. Из восьми танков шесть осталось на поле, это они горят. Остальные отошли и, банально обойдя немцев, сейчас уходили дальше.

– Сержант. Я отлучусь, появились сведения, нужно проверить, буду где-то ближе к обеду.

– Там уже заступит другой дежурный, товарищ лейтенант, – напомнил тот, что ему тоже отдыхать нужно. – Я передам.

Вот так покинув овраг, я побежал прочь, а чуть позже активировал амулет отвода глаз, оседлал лёгкий мотоцикл и погнал к селу. До него девять километров было. Проезжал стоянки немецких частей, там ещё никто не проснулся, кроме поваров. Удивлённо крутили головой часовые, видя пыль на дороге и слыша шум двигателя, но никого не увидели – отвод глаз мощный, и мотоцикл скрыл. На велосипеде бы ехал – вообще бы не узнали, что кто-то проезжал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.